

Театръ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ЖУРНАЛЪ
„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“.

Съ доставк. и пересылк.
на годъ 6 р., на полг. 4 р.
Отд. №№ продаются по 20 к.
Объявл.—20 к. со стр. пет.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:
Моховая, 45.

Отдѣленіе въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печниковой.

Рукописи, доставл. безъ обознач. гонорара,
считаются безплатными.

Мелкія рукописи не сохраняются.

Телефонъ ред. № 1669.

Искусство

1899 г. III годъ изданія. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ. ВОСКРЕСЕНЬЕ, 16 Мая.

СОДЕРЖАНІЕ: Отношеніе Корпорации и Театрального Общ. по проекту.—Искусство актера. II. А. Коклена.—Хроника театра и искусства.—Почтенный трудъ, не лишенный недостатковъ.—г.—Не состоявшийся спектакль въ память Пушкина. С. Ше-

№ 20.

виль (окончаніе). Бомарше.—Заграницею.—Провинц. мѣтопись.—Списокъ разрѣш. пьесъ.—Объявленія.

Рисунки: Французскій Салонъ (3); Художественныя программы (2); «Madame de Lavalette»; «Моцартъ и Сальери»; портретъ Бомарше.

Принимается подписка на 1899 г.
НА ЖУРНАЛЪ

„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“

Цѣна за годъ 6 р.

за полгода 4 р.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р. и 2 руб.

1-го июня.

Новые подписчики получаютъ всѣ вышедшіе номера.

Отъ Конторы. Въ виду приближенія срока третьяго взноса, контора убѣдительно проситъ гг. подписчиковъ, пользующихся разсрочкой, поспѣшить высылкою недостающихъ денегъ. Лицамъ, не выславшимъ къ 1-му июня всей подписной платы, высылка журнала будетъ прекращена съ № 23. Лицамъ, подписавшимся на особыхъ условіяхъ разсрочки, высылка прекращена съ 1-го мая.

С.-Петербургъ, 16 мая.

Судить о строѣ и учрежденіи будущей Корпорации сценическихъ дѣятелей, до опубликованія проекта ея устава, разумѣется, трудно. Тѣмъ не менѣе, уже въ тѣхъ частяхъ учрежденія, о которыхъ говорится въ проектѣ устава Театрального Общества, замѣтны шаткость и неопредѣленность предполагаемой Корпорации и отсутствіе яснаго и точнаго представленія о размѣрахъ и предѣлахъ этого учрежденія.

Мы выяснили уже, какъ смотримъ на Корпорацию сценическихъ дѣятелей. По нашему мнѣнію, въ составъ ея должны входить только актеры и ближайшіе сценическіе дѣятели, какъ антрепре-

неры, декораторы, режиссеры и т. п. Проектъ понимаетъ дѣло иначе: все дѣятельное и жизнеспособное, все, имѣющее близкое отношеніе къ театральному дѣлу, будь то рецензентъ или авторъ, чиновникъ театрального вѣдомства и историкъ театральныхъ архивовъ, — входитъ въ составъ Корпорации. Это — неправильно, какъ мы уже старались выяснитъ, и способно въ самой средѣ корпорации создать центробѣжныя стремленія и разбродъ. Но допустимъ, такъ сдѣлано, такъ задумано, такъ рѣшено, и выставленныя у насъ соображенія не имѣютъ особеннаго значенія. Что же выходитъ? По силѣ вещей и логикѣ обстоятельствъ, корпорация, заключающая въ себѣ всѣ дѣятельные, истинно театральные, активные и серьезные элементы театральной жизни, должна поглотить Общество, т. е. иначе, не Корпорация должна состоять при Обществѣ, а Общество при Корпорации. Нельзя считать притокомъ Общества живую организацію всѣхъ элементовъ театральной жизни. Кромѣ тѣхъ, что, по мысли проекта, состоятъ въ Корпорации, — остаются только члены сореоовнатели; если Корпорация, какъ можно думать по проекту устава Общества, будетъ лишена значительной доли своей автономіи, то получится такой порядокъ вещей: сценическіе дѣятели, пока они находятся въ союзѣ съ писателями, публицистами и чиновниками театрального вѣдомства — не самостоятельны; но когда къ нимъ присоединяются «сореоовнатели» т. е. господа дилетанты, которые сегодня здѣсь, а завтра — тамъ, и вообще, гдѣ угодно — тогда, учрежденіе въ цѣломъ получаетъ возможность жить, существовать и самоуправляться.

Параграфъ 36 устава постановляетъ, что Совѣтъ Общества (т. е. сценическихъ дѣятелей in pleno плюсъ сореоовнатели) обсуждаетъ вопросы и дѣла,

касающіеся Корпорации. Параграфъ 37 постановляетъ, что въ случаѣ неутвержденія постановленія Управленія Корпорации Совѣтъ отсылаетъ, съ мотивами его, вновь въ Корпорацию, а затѣмъ пререканія рѣшаются общими собраниями, т. е. опять таки соревнователями. Параграфъ 38 постановляетъ, что председатель Управленія Корпорации присутствуетъ въ Совѣтѣ по дѣламъ Корпорации, съ правомъ *совѣтательнаго* голоса. Параграфы 39 и 40 предоставляютъ Совѣту приостанавливать даже тѣ распоряженія Корпоративнаго Управленія, кои разсмотрѣнію Совѣта не подлежатъ. Параграфы 41 и 43 постановляютъ, что судъ чести, существующій, само собою разумѣется, только для нуждъ сценическихъ дѣятелей, а никакъ не соревнователей, состоитъ при Совѣтѣ и дѣйствуетъ не иначе, какъ черезъ Совѣтъ.

Въ концѣ концовъ, что же остается на долю Корпорации и для чего она учреждается? Во-первыхъ, она не корпорация по составу, ибо въ нее входятъ самые разнообразные общественные элементы, имѣющіе хотя бы отдаленное отношеніе къ театральному дѣлу. Во-вторыхъ, она не корпорация, потому что дисциплинарная власть, въ формѣ суда чести, сосредоточена не въ ея рукахъ и числится при Совѣтѣ Общества. Въ третьихъ, она не располагаетъ никакою самостоятельностью даже въ тѣхъ дѣлахъ, которыя разсмотрѣнію Совѣта не подлежатъ.

Что здѣсь до крайности сужены корпоративное и автономное начала—это само собою понятно. Это—въ духѣ времени, и пожалуй, съ этими пришлось бы помириться. Можно даже сказать, что Театральное Общество, обнимающее всю совокупность художественной, административной и экономической жизни театра, должно вести на помочахъ и обязано оцѣнать актеровъ, только начинающихъ формироваться въ общественную группу. Но какъ мы выше выяснили, во имя чего, для кого приносятся эти жертвы и ограниченія? Подъ корпорацией сценическихъ дѣятелей разумѣются всѣ, кромѣ филантроповъ и поклонниковъ талантовъ. Понимаемая въ столь широкомъ смыслѣ, корпорация или совсѣмъ не нужна, или совпадаетъ съ понятіемъ самаго Театральнаго Общества, и находится въ такомъ очевидномъ подчиненіи къ нему никому родомъ не должна.

Такимъ образомъ, недостаточная ясность общей конструкции въ самомъ началѣ Устава ведетъ все къ большей и большей спутанности основныхъ началъ и отнимаетъ у будущаго зданія главнѣйшія достоинства—стройность и систему.

Искусство актера *).

А. Коклена.

II.

Воспроизводя характеръ, должно брать изъ дѣйствительности, само собою понятно, только значительныя черты и остерегаться такихъ, которыя имѣютъ слишкомъ индивидуальный оттѣнокъ. Гарпагонъ долженъ быть не копіею того или иного скупца, но долженъ совмѣщать воѣхъ скупыхъ, какихъ когда либо наблюдалъ актеръ.

Въ этомъ искусствѣ вѣрной характеристикѣ я не знавалъ болѣе удивительнаго актера, нежели Лезюеръ. Никто не умѣлъ извлекать изъ своего внутренняго

„я“ болѣе разнообразныхъ лицъ, и съ такимъ яснымъ выраженіемъ Это было по истинѣ чудесно. И сколько на это полагалось труда! У Лезюера была темная комната, съ закрытыми ставнями, опущенными занавѣсками, куда онъ запирался, со своими костюмами, париками и разными приспособленіями ремесла. Здѣсь, при свѣтѣ лампъ, передъ зеркаломъ, онъ изучалъ свой гримъ. Двадцать разъ онъ мѣнялъ свою фizioномію, пока находилъ, наконецъ, ту, про которую могъ сказать: „да, это настоящая!“ Театралы, конечно, не забыли его „любителя абсента“, или стараго дворянина, ни Пуарье, ни донъ Кихота. Когда онъ выходилъ на сцену въ этой послѣдней роли, то будучи средняго роста, казался безконечно-длиннымъ. Онъ совершенно сливался со своей пикой, и герой Сервантеса стоялъ предъ нами, во всей трогательной худобѣ своего высохшаго тѣла.

Но для иллюзіи ему не хватало одного — голоса. Онъ не умѣлъ и не могъ его дисциплинировать. Во всѣхъ роляхъ это былъ одинъ и тотъ же голосъ, а звукопроизношеніе, „артикуляція“ была очень затруднительна и замедленна. Артикуляція—это рисунокъ дикціи, если можно выразиться. Одна фраза, произнесенная Самсономъ, какъ онъ одинъ это умѣлъ, стоила цѣлаго портрета, нарисованнаго художникомъ. Безспорно, ничто не въ состояніи сравниться съ интонаціею: самые живописные эффекты не могутъ такъ поднять залу, какъ правдивое выраженіе чувства голосомъ.

Артикуляція звука есть, такимъ образомъ, главный предметъ, на который должно быть обращено изученіе актера. Это—и азбука, и въ то же время высшая, крайняя точка искусства. Этому нужно научиться въ началѣ, на первыхъ порахъ, и потомъ всю жизнь совершенствовать. Главное—быть понятнымъ публикѣ, и слѣдовательно, ясно и чисто выговаривать. Но естественности рѣчи? возразятъ мнѣ. Развѣ не должно главнымъ образомъ стремиться къ естественности рѣчи? О, не говорите мнѣ про естественность тѣхъ, которые избавляютъ себя отъ обязанности произносить съ отчетливостью, говорятъ предъ публикою, какъ будто за столомъ, проглатываютъ слова, жуютъ окончаніе фразъ, и превращаютъ стиль автора Богъ знаетъ во что!

Театръ—не салонъ. Нельзя обращаться къ полуторѣ тысячъ слушателей театральной залы, какъ къ нѣсколькимъ друзьямъ у камина. Если не поднимешь тона,—не будешь услышанъ; если не будешь говорить съ членораздѣльною ясностью,—не будешь понятъ.

Я знаю, что актеръ можетъ приобрести большую репутацію естественности, подражая тонъ разговора. Онъ не выдѣляетъ словъ, тихо произноситъ, какъ бы бросая, концы фразъ, бормочетъ, дѣлаетъ видъ, что ищетъ слова, повторяетъ ихъ, или вдругъ заговорить съ необыкновенною стремительностью, и публика повинувшись стадному чувству, восклицаетъ: „Боже мой, какъ это натурально! Какой актеръ! Я не разслышалъ, но до чего это естественно!“ Однако, этому не слѣдуетъ довѣрять. Если пьеса интересуетъ слушателя больше, чѣмъ актеръ, онъ скоро устанетъ отъ этой натуральности. Во всякомъ случаѣ, актеры этого рода осуждены на будничныя репертуаръ, классическія же пьесы имъ не по нутру. Ибо искусства, въ строгомъ смыслѣ слова, не бываетъ безъ стиля.

Само собою разумѣется, что совершенно непозволительно измѣнять текстъ автора. Что бы сталось съ пьесами, вошедшими въ репертуаръ двѣсти лѣтъ назадъ, если бы актеры позволяли себѣ вольности въ обращеніи съ текстомъ. Традиція узаконила бы отступленія; каждый послѣдующій исполнитель поль-

*) См. № 15.

зовался бы всеми выдумками предшественника да прибавлялъ бы еще свои... Какая мозаика получилась бы, въ общемъ!

Но есть еще другое, помимо прямого измѣненія текста. Бываетъ, что актеры считаютъ признакомъ особеннаго искусства, не измѣняя, въ прямомъ смыслѣ слова, самого текста роли, стараться, однако, внести въ нее нѣчто иное, чѣмъ то, что хотѣлъ сказать авторъ.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, давали въ первый разъ пьесу въ стихахъ одного изъ наиболѣе популярныхъ академиковъ. Пьеса была прослушана со вниманіемъ. Одинъ изъ знакомыхъ мнѣ критиковъ зашелъ въ уборную къ исполнителю главной роли, и сталъ горячо его поздравлять съ успѣхомъ. „Вы превосходно воспроизвели роль!“ сказалъ любезный критикъ. Тогда изъ темнаго угла поднялся человекъ, котораго критикъ сначала не замѣтилъ, и промолвилъ съ негодованіемъ: „воспроизвелъ! Скажите лучше, что онъ былъ выше роли!“ Въ этомъ словѣ — цѣлая теорія. Можно многое привести въ ея защиту. Можно спросить, не имѣютъ ли права нѣкоторые актеры, въ силу своего генія, выйти, такъ сказать, изъ границъ роли, вдохнуть въ нихъ свою душу, душу современности, придать созданію поэта тотъ характеръ, котораго онъ не могъ предвидѣть, толкованіе, и болѣе сильное, и болѣе глубокое? Мнѣ могутъ указать на Фредерика Леметра, который изъ вульгарнаго представителя уличной мелодрамы создалъ своего изумительнаго Роберта Макэра. Мнѣ припомнить успѣхъ этого великаго артиста въ роляхъ, въ которыхъ,

ПАРИЖСКІЙ САЛОНЪ 1899 г.

Симониди, М. — «Благоуханіе зимы».

ПАРИЖСКІЙ САЛОНЪ 1899 г.

Сиру, П. — «Стыдъ Маріи Магдалины»

собственно говоря, ничего не было, и въ которыя, стало быть, онъ, а не кто иной, вложилъ все содержаніе.

Я знаю все это, и считаюсь съ нимъ. Но я знаю точно также, что дѣло идетъ здѣсь объ актерѣ исключительнаго дарованія, съ одной стороны, и объ авторахъ третьяго разбора, — съ другой. Отсюда нельзя выводить общаго заключенія. Сама же теорія крайне опасна, ибо вмѣсто серьезнаго и осмысленнаго изученія опредѣленнаго авторскаго матеріала, выдвигаетъ болѣе или менѣе произвольную фантазію актера.

Быть выше Шекспира, Корнеля, выше Макбета, Лира, Гамлета, Сиды — это мечта необыкновеннаго честолюбія. Я думаю, довольно достигъ ихъ.

Ирвингъ, этотъ величайшій исполнитель Шекспира, по общимъ отзывамъ, ошибся въ Макбетѣ. Его Макбетъ — не человекъ, слабый и несдержанный, вскормленный молокомъ матери и потому не способный съ увѣренностью совершать злодѣянія. Его Макбетъ — это откровенный, хотя и трусливый, злодѣй. Его останавливаетъ не совѣсть, но страхъ будущаго и опасности, въ которыя ввергаетъ его преступленіе.

И вотъ, даже Ирвингъ, случается, дѣлаетъ грубый промахъ, толкуя роль Шекспира. Что же сказать о другихъ? И не достаточно ли актеру посвятить весь свой талантъ просто на то, чтобы возсоздать фигуру, которая видѣлась автору?

Теорія „выше роли“ создала цѣлый рядъ самыхъ странныхъ толкованій. Отсюда Альцестъ, котораго изображаютъ революціонеромъ, Тартюфъ — красавецъ, соблазнитель и злодѣй, и многое множество другихъ вольностей иныхъ современныхъ актеровъ.

Изобразить именно то, что видѣлъ Шекспиръ, Мольеръ — это не такъ легко, смѣю увѣрить. Перемѣстить изъ книги на сцену, иначе говоря, въ живую жизнь, эти столь сложные характеры, которыхъ волнуютъ столь противоположныя страсти, разъяснить темныя стороны ихъ души — какая это безконечно трудная и славная задача!

Читатель быстро создаетъ при чтеніи образъ героя. Но онъ туманенъ, и по прошествіи нѣкотораго времени, ему трудно установить его черты. Во всякомъ случаѣ, призракъ героя, созданный въ его воображеніи, совсѣмъ не тотъ, что у его сосѣда. У третьяго читателя — третій образъ. Все это находится въ колеблющемся и вѣчномъ движеніи. Совсѣмъ другое въ театрѣ. Превратившись въ театральную публику, читатели уносятъ на всегда съ собой черты героя, изображеннаго талантливыми актеромъ. Иначе они

уже не могутъ видѣть. Призракъ исчезъ — на его мѣсто живая реальность.

Возвращаясь, однако, къ произношенію, и выставлю слѣдующую аксіому: „не слѣдуетъ разговаривать, какъ разговариваютъ,—слѣдуетъ говорить (il ne faut pas parler, comme on parle, il faut dire).

Говорите естественно, натурально. Это хорошо. Но говорите, а не разговаривайте. Это значитъ—расчленяйте фразы, выдѣляйте слова, соответственно ихъ значенію, мѣняйте интонаціи. Фраза цѣлкупная, когда разговариваютъ, получаетъ законченность формы, становится предметомъ искусства, когда ее выговариваютъ.

Разумѣется, не слѣдуетъ вдаваться въ крайность. Слишкомъ выдѣлять и расчленять фразы—признакъ дурного актера. слѣдуетъ немногими, но характерными чертами отгнать рѣчь. Аффектированная простота такъ же вредна, какъ изощренная артистичность, когда въ каждомъ словѣ слышится актеръ. Истина лежитъ по срединѣ.

Главное—это стараться быть понятнымъ. Вотъ почему, слѣдуетъ приучить себя не торопиться. Я всегда придерживаюсь драгоценнаго правила: не спѣшить, которому научилъ меня Ренъ. Онъ выражалъ это приблизительно такъ: „Когда вы думаете про себя: „ахъ, какъ я тину! какъ я, должно быть, удручаю слушателей!“—когда вы это думаете, вотъ тогда только вы начинаете не быть торопливымъ“. Само собою разумѣется, отсюда не слѣдуетъ, что нужно тянуть, но надлежитъ всегда быть яснымъ. Необходимо говорить членораздѣльно даже при скороговоркѣ, а это возможно только при тщательномъ произношеніи, выдѣленіи согласныхъ, правильной постановкѣ удареній и соразмѣренности голосового напряженія.

Кстати, о голосѣ. Надъ голосомъ слѣдуетъ не менѣе работать, чѣмъ надъ внѣшностью. Голосъ долженъ подвергаться не меньшимъ измѣненіямъ и метаморфозамъ. Соответственно роли, голосъ долженъ быть тягучій, глухой, звонкій, рѣзкій, нѣжный, скорбный и т. п. Голосомъ, можно сказать, актеръ изобра-

жаетъ, въ случаѣ надобности, весь оркестръ отъ флейты до тромбона. Голосъ влюбленного совѣмъ не то, что голосъ нотариуса. У Яго не такой голосъ, какъ у Фигаро, а у послѣдняго иной, чѣмъ у Тартюфа. Соответственно роли, измѣняются тембръ, гамма, музыкальный ключъ голоса. Нужно стремиться къ тому, чтобы слѣпыя могли по голосу видѣть живое лицо.

Великимъ мастеромъ въ этомъ отношеніи былъ Фредерикъ Леметръ. Слово „перевоплощеніе“ (transfiguration) было, если не ошибаюсь, впервые применено къ актеру, по случаю исполненія Леметромъ роли Рюи Блаза. Точно, онъ былъ великолѣпнѣе въ Рюи Блазѣ. Все, что въ немъ было высокомернаго, неправильнаго, непригляднаго какъ-то смягчалось меланхоліей и страстью. Увы, эта сила дана не всѣмъ. Самая упорная работа не можетъ этому часто помочь. И вотъ мы приходимъ къ вопросу о физическихъ средствахъ, столь важному въ театрѣ *).

ХРОНИКА

театра и искусства.

9-го мая, въ Москвѣ, происходило вторичное собраніе членовъ общества для призванія престарѣлыхъ артистовъ. Предсѣдательствовалъ г. Авранекъ. Собраніе утвердило отчетъ общества за время съ 1-го января 1896 года по 15-е апрѣля 1899 года. За это время процентныхъ вычетовъ съ жалованья артистовъ поступило въ кассу общества до 12,297 р. 63 коп.; Высочайше разрѣшенные спектакли и концерты дали 29,531 р. 67 коп.; пожертвованій до 12,825 р.; всего поступленій было до 64,891 р. 55 коп. Израсходовано за то-же время на канцелярскіе расходы 859 р. 99 коп. и по устройству и обзаведенію убѣжища 2,954 р. 63 коп., всего израсходовано 3,814 р. 62 коп., такимъ образомъ очистилось всего 61,076 р. 13 коп.

Собраніе избрало въ почетные члены общества артистку Императорскаго Малаго театра П. М. Медвѣдену, артиста Императорскаго Малаго театра Д. В. Гарина, бывшаго управляющаго конторою Императорскихъ театровъ П. М. Пчельникова. Затѣмъ собраніе постановило наименовать койки въ открытомъ убѣжищѣ для престарѣлыхъ артистовъ именами извѣстныхъ артистовъ, раздѣливъ всѣ койки поровну между артистами, участвовавшими въ хорѣ, балетѣ, оркестрѣ и оперѣ. Бюджетъ убѣжища определенъ въ 6,512 р. при 10 призываемыхъ. По вопросу объ устройствѣ зданія для убѣжища въ Измайловскомъ звѣринцѣ на отведенной землѣ рѣшено, чтобы строительная коммисія по составленіи проекта попросила кого-либо изъ архитекторовъ дать свое заключеніе. Въ заключеніе были произведены выборы; почетнымъ членомъ убѣжища и предсѣдателемъ комитета избранъ управляющій конторой Императорскихъ театровъ полковникъ В. А. Теляковский, товарищемъ предсѣдателя вновь избранъ П. И. Музиль и казначеемъ С. Е. Павловскій. Въ виду сложности работъ казначей, собраніе предоставило С. Е. Павловскому нанять бухгалтера за плату отъ 100 до 300 руб. въ годъ.

* * *

*) Анализъ Коклена не лишенъ, мѣстами, интереса, но нельзя не обратить вниманія на упорное замалчиванье «художественнаго таланта»—того начала, которое, увѣ, невозможно разложить на составные элементы. При отсутствіи настоящаго художественнаго таланта, нѣкоторые, рекомендуемые Кокленомъ, приемы могутъ послужить скорѣе ко вреду, нежели къ пользѣ актера. Напримѣръ, мѣнять голосъ—могутъ только очень крупныя художники сцены. У среднихъ актеровъ, насильственное измѣненіе естественнаго тембра и звука можетъ породить только впечатлѣніе крайней дѣланности и ненатуральности. Относительно самой артикуляціи звука, нельзя не согласиться съ Кокленомъ, что на сценѣ надо говорить, а не разговаривать. Натуральность сценическаго діалога—есть улучшенный, и во всякомъ случаѣ, явленный разговоръ. Въ жизни мы часто проглатываемъ окончанія и гораздо меньше тонируемъ, чѣмъ на сценѣ. слѣдуетъ, во всѣхъ родахъ искусства, помнить, что искусство есть *улучшеніе* дѣйствительности, и точно также сценическій разговоръ есть улучшенный житейскій.

Прим. редакціи.

ПАРИЖСКІЙ САЛОНЪ 1899 г.

Котъ, Е. — «Любовь и смерть».

Примѣръ, достойный подражанія.

Извѣстный артистъ П. Л. Скуратовъ обратился въ Театральное Общество съ заявленіемъ, коимъ обязывается производить вычетъ изъ жалованья, въ размѣрѣ одного процента въ пользу Общества. О такомъ обязательствѣ г. Скуратова будетъ сообщено Н. Н. Соловцову, въ антрепризѣ котораго г. Скуратовъ служитъ съ зимы 1899 г.

* * *

По слухамъ, при приѣмѣ новыхъ членовъ, въ Театральное Общество рѣшено обращать тщательное вниманіе на нравственную добродѣтельность поступающихъ, въ какомъ смыслѣ предполагается дать соответствующую инструкцію агентамъ.

* * *

„Царь Ѳеодоръ“ пойдетъ, послѣ Харькова, въ частной антрепризѣ въ первый разъ въ Екатеринославѣ, у П. Н. Синельникова, 25 мая. У М. М. Бородай, въ Астрахани, 26 мая, пойдетъ „Поверженный Пушкинъ“ К. К. Случевского.

* * *

Литературно-артистическій Кружокъ, какъ мы слышали, переѣзжаетъ съ юля мѣсяца въ новое помѣщеніе въ зданіи самаго Малаго театра. Предполагается значительно расширить клубскую жизнь кружка, съ переходомъ въ новое помѣщеніе.

* * *

Какъ мы слышали, гг. Самойловъ и Яковлевъ-Востокъ приняты на Императорскую сцену.

* * *

9-го мая состоялся публичный актъ 34 выпуска учащихся консерваторіи. Достойными диплома на званіе свободного художника признаны по отдѣлу теоріи композиціи г. Хесинъ (по кл. проф. Соловьева), по фортепیانному отдѣлу г-жа Авепариусъ (по кл. проф. Есиповой), г-жи Алексѣевская, Крель, Поливанова, Пригоровская, Розанова, Субботина (по кл. проф. Малоземовой), г-жи Остроумова, Медемъ (по кл. проф. Фанъ-Арка), г-жи Левинъ, Тоунлей, Чернцова (по кл. проф. Толстова), г-жа Павловская (по кл. старш. препода. Миклашевскаго), г. Романовъ (по кл. проф. Демянскаго), г-жа Канцель, г. Петерсонъ, г-жи Тютрюмова, Шлемензонъ; по отдѣлу пѣнія г-жа Мохначева (по кл. проф. Ирецкой), г. Дюминъ (по кл. проф. Габеля), г-жа Надежина, г-г. Губаревъ, Шкирданъ; по оркестровому отдѣлу г-жа Янишевская (по кл. проф. Галкина), гг. Пергаментъ, Спичинъ (по кл. проф. Краснокутскаго), Володарскій, Егоровъ, Зелихманъ; по органному классу г. Шютцъ (проф. Гомиліуса 2). Кромѣ того, присуждены дипломы г. Калафати (по кл. проф. Римскаго-Корсакова), г. Колодному (по кл. проф. Тюрнера), г. Газенкампу, которые они получаютъ по выдержаніи испытанія изъ научныхъ предметовъ. Аттестаты присуждены: гг. Луизову, Мамонтову (по кл. проф. Римскаго-Корсакова), г-жѣ Моласъ (по кл. проф. Толстова), г-жамъ Готской-Даниловнѣ и Разсудовской (по кл. пѣнія проф. Ферни-Джиральдопи), г-жѣ Еремѣевой (по кл. пѣнія проф. Раабъ), г-жѣ Мальгрень (по кл. пѣнія проф. Цванцигеръ), гг. Лившицъ (по кл. проф. Галкина), Фельдману, Лившину, Бергеру, г-жѣ Петровской.

Призаны окончившими только специальный предметъ: гг. Антоновъ (по кл. игры на кларнетѣ проф. Нидмана), Васильевъ (по кл. игры на гобоѣ проф. Шуберта), Житловскій—скрипачъ.

Ежегодно жертвуемый роля фирмою К. М. Шредера присужденъ г. Медему. Премія В. А. Шуберта для покупки духового инструмента присуждена г. Антонову.

Изъ отчета, прочитаннаго передъ началомъ музыкальной части акта, видно, что въ консерваторіи въ теченіе учебнаго года обучалось до 800 человѣкъ: 318 учениковъ и 481 ученица, изъ нихъ 139 обучалось бесплатно. Въ теченіе курса въ помѣщеніи консерваторіи состоялось два музыкальных вечера учащихся. Кромѣ того, былъ данъ ежегодный концертъ учащихся въ память А. Г. Рубинштейна.

По окончаніи чтенія началась музыкальная часть акта, въ которой приняли участіе выпускные ученики и ученицы фортепیانнаго класса, вокальных, инструментальныхъ, теоретическихъ. Не забыты были и солисты на деревянныхъ инструментахъ гг. Антоновъ (кларнетистъ), Васильевъ (гобойистъ), а также и на органѣ г. Шютцъ. Изъ пѣвцовъ по зрѣлости и отличной техники выдѣлились г. Медемъ (по кл. проф. Фанъ-Арка), съ темпераментомъ и отличной отдѣлкой сыгравшій довольно неблагоприятную первую часть концерта Брамса, и г-жа Пригоровская (по кл. проф. Малоземовой), со вкусомъ и выдержкой исполнившая концертъ Сентъ-Саваса. Изъ пѣвицъ укажемъ на г-жѣ Еремѣеву (по кл. проф. Раабъ), съ голосовыми задатками и хорошей манерой пѣнія, и Мохначеву (кл.

проф. Ирецкой), выказавшую хорошій голосъ и талантъ. Исполняли отрывки изъ двухъ кантатъ „Цыгане“, написанныхъ гг. Калафати (по кл. проф. Римскаго-Корсакова), Хесиномъ (по кл. проф. Соловьева). У г. Калафати есть талантъ, но нѣтъ еще яснаго пониманія вокальных задачъ. Напримѣръ, квартетъ на извѣстные стихи „Птичка Божія не знаетъ“, дышащій простотой, написанъ тяжело, довольно сложно и не въ характерѣ стихотворенія. Лучшее вышла цыганская пѣсня съ восточнымъ колоритомъ.

У г. Хесина хорошій мелодическій талантъ, въ его музыкѣ много искренности; у автора есть способность близко подходить къ требованіямъ текста. Нельзя не указать на одно нововведеніе, заслуживающее вниманія. Впервые участвовалъ ученической консерваторскій оркестръ, который хорошо справился со своей не легкой задачей, аккомпанируя въ такихъ трудныхъ произведеніяхъ, какъ Брамса, Сентъ-Саваса и проч.

* * *

Г. Максаковъ оказался не только прекраснымъ пѣвцомъ, но и отличнымъ администраторомъ. Ему удалось то, что не удавалось до сихъ поръ никому, если не считать гастролей московской оперы—привить въ Петербургѣ частную русскую оперу. Этого достигнуть можно было, только зная хорошо театральную провинцію и сумѣвъ внушить опернымъ артистамъ довѣріе къ дѣлу.

Второй сезонъ оперы въ „Аркадіи“ открылся 9 мая „Евгеніемъ Онѣгиннымъ“. Мы видѣли эту оперу въ прошломъ году, въ иномъ нѣсколькомъ составѣ. Изъ новыхъ исполнителей выступили г. Арцымовичъ въ роли Ленскаго, г-жа Папаянъ—Татьяна и г-жа Штанге—Ольга. Г. Арцымовичъ обладаетъ довольно красивымъ и полнымъ по звуку теплотомъ. Нижній регистръ глухъ и малозвученъ. Обработка голоса не совершенна, тѣмъ не менѣе, mezza-voce г. Арцымовича красивое. Въ исполненіи темперамента немного, но фразировка довольно отчетливая. Мы подходимъ къ г. Арцымовичу, разумеется, со строгими требованіями, къ какимъ насъ приучили лучшіе исполнители партіи Ленскаго. Во всякомъ случаѣ, исполненіе аріи „Куда, куда вы удалились?“ намъ понравилось, если не считать финальной фразы, произносимой г. Арцымовичемъ банально-плаксивымъ тономъ. Г. Арцымовичъ могъ бы многое сдѣлать, при своихъ средствахъ, если бы тщательно и воспримчивѣе относился къ ролямъ. Такъ, поэтъ Ленскій „съ душою прямо Гетингенской“ рисуетъ намъ далеко не блондиномъ, съ короткими, баранкомъ завитыми волосами, и въ усахъ. У Пушкина и указаніе есть—„Кудри черныя до плечъ, всегда восторженная рѣчь“. Всѣмъ этимъ пренебрегать не слѣдуетъ.

Г-жа Папаянъ обладаетъ очень красивымъ, мягкимъ по тембру, драматическимъ сопрано, напоминавшимъ намъ—toutes proportions gardées—голосъ знаменитой Дюранъ, въ блестящую пору ея дѣятельности. Объемъ голоса г-жи Папаянъ незначителенъ, хотя голосъ поставленъ правильно. Итонація вполне чистая. Въ исполненіи г-жи Папаянъ чувствуется художественная мѣра, вкусъ и ясно обозначенные признаки развивающейся артистической натуры. Несомнѣнно, что молодая пѣвица еще всѣмъ въ будущемъ. Она уловила въ образѣ Татьяны кротость, неторопливость, ясность духа. Это тѣмъ болѣе достойно замѣчанія, что рѣзкій типъ брюнетки, какой является г-жа Папаянъ, едва ли пригоденъ для олицетворенія Татьяны.

О г-жѣ Штанге мы не успѣли составить себѣ опредѣленнаго понятія, и отлагаемъ наши замѣчанія до болѣе удобнаго времени.

Г. Максаковъ былъ превосходенъ въ вокальномъ отношеніи, и достаточно хорошъ въ сценическомъ. Жизнь бьетъ въ немъ ключемъ; голосъ, по выраженію одной артистки, „залитъ всю грудь“. Послѣдній актъ г. Максаковъ нѣсколько драматизируетъ, но финальная фраза „О, жребій жалкій мой“ произносится имъ съ силою и страстнымъ увлеченіемъ. О г. Тарасовѣ-Гренинѣ мы можемъ сказать, что и по пѣнію, и по внѣшнему облику это одинъ изъ лучшихъ Гренинскихъ.

Поставленъ былъ „Евгеній Онѣгинъ“ по обыкновенію, т. е. какъ утвердила сценическая рутинка, и съ чѣмъ мы нисколько не согласны. Но нельзя требовать „новыхъ словъ“ въ режиссерскомъ отношеніи отъ частной сцены, которая и безъ того даетъ такъ много Петербургу, отвыкшему отъ всякихъ серьезныхъ оперныхъ начинаній.

Въ понедѣльникъ, 10-го мая, была поставлена „Аида“. Роли были распределены слѣдующимъ образомъ: Аида—г-жа Золотницкая, Амурисъ—г-жа Сюннербергъ, Радамесъ—г. Розановъ, Амонасро—г. Максаковъ, Рамфисъ—г. Тарасовъ, царь Египетскій—г. Дисенко.

Г-жу Сюннербергъ мы уже слышали въ прошломъ году. Это артистка—огромной силы и большого захвата. Въ ея пѣніи чувствуется буря и мощь. Г-жа Сюннербергъ произвела „снисхожденія у публики“, и на это ей можно отвѣ-

титъ: пѣла и играла прекрасно и снисхожденія не заслуживаетъ».

Г-жа Золотницкая—дебютантка показала намъ блѣднѣй артисткой, что, впрочемъ, связано часто съ волненіемъ дебюта. Голосъ, какъ и у г. Арцымовича, звучитъ гораздо лучше въ аріозо, нежели въ речитативахъ. Тембръ голоса пріятный и свѣжій, сила же едва ли достаточная для драматическихъ партій.

Новый для Петербурга Радамесъ г. Розановъ—хорошій теноръ di forza съ отличными высокими нотами и слабыми низкими. Слабымъ мѣстомъ поваго тенора является отсутствіе тембра въ mezzo-voce. Вотъ почему ему не особенно удалась выходная арія; за то всѣ мѣста, требующія энергіи, силы, прошли великолепно.

Остается отмѣтить прекрасное исполненіе роли Амонасро г. Макасовымъ. За патетическую сцену съ Андой (3 актъ), проведенную съ большою драматической силой, г. Макасовъ былъ вызванъ всею залой.

Нельзя не отмѣтить г. Дисненко въ роли царя Египетскаго. У него могучій, красивый басъ. Голосъ не обработанный, но матеріалъ чудесный. Въ заключеніе скажемъ, что оркестръ, хотя небольшой, но тщательно сыграннѣйш, хоръ въ значительной степени составленъ изъ опытныхъ хористовъ и идетъ весьма увѣренно.

О „Дубровскомъ“ до слѣдующаго раза.

Полутонъ.

* * *

Намъ пишутъ изъ Москвы. Пушкинскіе спектакли прошли,—вотъ и все хорошее, что можно о нихъ сказать, слѣдуя словамъ поэта, что пройдетъ—то будетъ мило!

Спектакли эти, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, были почему-то затѣяны преждевременно. Вѣроятно, въ виду того, чтобы не собирать въ неурочное время труппу, которая на лѣто торопится, кто отдохнуть, кто поиграть гдѣ-нибудь и заработать лишнюю сотню рублей, а то и тысячу,—въ дополненіе къ казенному окладу. И понятно, что изъ-за такого пустяка, какъ юбилей Пушкина, не стоило тревожить людей.

Какъ тускло, блѣдно и незамѣтно прошли эти торжественные спектакли,—отмѣтила и вся московская пресса, сдѣлавъ это очень почитливо, какъ всегда, но съ рѣдкимъ единодушіемъ; подтвердила и публика, прослушавшая почти въ ненарушимомъ молчаніи все, исполняемое на сценѣ и полюбовавшись на черное изображеніе чужаго Пушкина, намазаннаго какимъ-то художникомъ-декораторомъ въ минуту дурного расположенія духа. Но и молчаливая публика, пришедшая на первый спектакль, почти блистала отсутствіемъ на остальныхъ спектакляхъ. Словомъ, все было необыкновенно своевременно и торжественно, какъ это принято у насъ въ торжественныхъ случаяхъ.

Въ театральныхъ кружкахъ особенно много идетъ толковъ по поводу извѣстнаго случая пьесой А. П. Чехова „Дядя Ваня“. Въ результатъ „Дядя Ваня“ пойдетъ на сценѣ Художественно-общедоступнаго театра. Правда, г. Чехову было потомъ предложено поставить свою пьесу въ Маломъ театрѣ безо всякихъ поправокъ, но польщенный авторъ отклонилъ такую запоздалую любезность.

Момусъ.

* * *

Сезонъ въ „Озеркахъ“, подъ прежнюю дирекцію В. А. Казанскаго, открывается 21 мая „Цѣной жизни“. Въ нѣсколькихъ спектакляхъ приметъ участіе З. В. Холмская. Режиссеромъ состоитъ г. Звѣздичъ. Въ дальнѣйшемъ предвидятся гастроли М. М. Петина, К. А. Варламова и другихъ. Съ участіемъ З. В. Холмской пойдутъ „Цѣна жизни“, „Фернандо“, „Послѣдняя воля“, „Ольга Ранцева“ и „Казнь“.

* * *

Сезонъ Павловскаго театра открывается 23 мая опереткой „Гейша“. Драматическій сезонъ откроется въ началѣ іюля. Предполагаются гастроли гг. Петина, Варламова, Соловцова и другихъ.

* * *

Рѣдкій случай отмѣны спектакля произошелъ въ театрѣ „Олимпія“. Г. Николаевъ-Соколовскій отмѣнилъ спектакль, не желая, вслѣдствіе холодной погоды, заставлять бѣдныхъ артистовъ пѣть и играть на сценѣ полукрытаго театра. Это—очень гуманная мѣра, но думается, слѣдовало бы, по нашему петербургскому климату, устроить какой-нибудь „барометрическій минимумъ“ и сдѣлать его обязательнымъ для антрепризъ.

* * *

Олимпія. На горѣ Олимпѣ, по преданію, жили двѣнадцать музъ, которыя покровительствовали искусствамъ. Такъ было въ эллинской Олимпіи. Въ новой „Олимпіи“ г. Николаева-Соколовскаго также есть „музы“, и даже ихъ здѣсь гораздо больше двѣнадцати, чуть ли не двѣнадцатью-двѣнадцатью, но эти музы новѣйшей, такъ сказать, конструкціи: онѣ ничему не покровительствуютъ. Скорѣе, быть можетъ, наоборотъ. Все на свѣтѣ „перемѣнчиво и измѣнчиво“.

Итакъ,—9-го открылся новый садъ „Олимпія“. На полукрытой сценѣ шла для открытія пресловутая „Гейша“ почти съ тѣмъ же составомъ, съ какимъ она шла зимой въ „Аква-риумъ“. Здѣсь было много старыхъ (и даже очень старыхъ) любимцевъ.

Тѣмъ не менѣе на долю главныхъ исполнителей выпалъ большой успѣхъ. Г-жа Кестлеръ (О-Мимоза-Санъ) весьма недурная исполнительница, изъ числа русскихъ дивъ. Г-жа Раисова провела роль Молли съ присущимъ ей опереточнымъ шикомъ. По обыкновению, безъ конца смѣшила публику „генералъ отъ оперетки“ г. Пальмъ. Во всякомъ случаѣ, появленіе такихъ опереточныхъ артистовъ, какъ г-жа Раисова и г. Пальмъ на полукрытой лѣтней сценѣ—есть событіе.

Публика много апплодировала также г-жѣ Чекаловой (Леди Констанція) и г. Чабанъ (Катанъ), обладающему симпатичнымъ голосомъ. Г. Цетининъ (хозяинъ „Найно“) серьезничалъ больше, чѣмъ то полагается для оперетки.

Цѣны на мѣста г. Соколовскій назначилъ немилосердныя, что едва-ли цѣлесообразно для лѣтняго театра. Н. У.

* * *

Театръ на Стеклянномъ. 10 мая здѣсь была въ первый разъ поставлена шиллеровская трагедія „Коварство и любовь“, въ переводѣ Михайлова. Какой свѣжестью и какой восторженностью вѣетъ отъ этого романтическаго произведенія Шиллера! Жаль только, что артисты Попечительства играли эту трагедію по мелодраматическому шаблону, къ которому уже приучилъ текушій репертуаръ этого театра, состоящій изъ душераздирающихъ мелодрамъ и нелѣпыхъ феерій. Мелодраматическая ходульность, какъ и крайній реализмъ, совершенно чужды Шиллеру. Его произведенія нужно играть поэтически просто, отъ чего артисты новаго театра успѣли хорошо отвыкнуть. Едва ли не одинъ г. Дьяконовъ былъ на мѣстѣ. Онъ горячо и—въ общемъ—очень недурно провелъ роль Фердинанда. Если бы поменьше манерности и вычурныхъ позъ, то роль прошла бы у него и совсѣмъ хорошо. Г-жу Никитину (Луиза) я видѣлъ года два-полтора тому назадъ въ Василеостровскомъ театрѣ, и она тогда играла эту роль куда лучше. Въ роли леди Мильфордъ выступила г-жа Корсакова. Гг. Печорину (Миллеръ) и Никольскому (президентъ) слѣдовало бы помѣняться ролями. Г. Петропавловскій—безцвѣтный фонъ-Кальбъ, а г. Розень-Санинъ недостаточно ярко игралъ Вурма. Сцена съ письмомъ у него прошла блѣдно.

Режиссерская часть—безукоризненна. Въ каждой сценѣ видна талантливая рука режиссера, обладающаго малыми обстановочными средствами, но большою опытностью и вкусомъ. Съ такимъ режиссеромъ могъ бы существовать иной репертуаръ. Н. У.

* * *

Лѣтній сезонъ Екатеринбургскаго общедоступнаго театра открылся 1-го мая „Степнымъ богатыремъ“; затѣмъ шли: „Безчестными не родятся“, „Не все коту масленица“, „Кручина“, Приглашенная на драматическія роли и grande coquette г-жа Вольнова проявила извѣстную опытность и умѣнье пользоваться сценическими эффектами. Г-жа Туманова недурная водевильная, но никакъ не драматическая ingénue. Г-жа Леновская—комическая старуха, исполнительница вполне удовлетворительная. Мужской персоналъ прошлагодній. Заслуживаютъ похвалы гг. Вольфъ и Алашеевскій. Въ общемъ, спектакли идутъ дружно. Сборъ недурный. Н. У.

* * *

Садъ Тумпакова. 13 мая въ саду Тумпакова была поставлена драма въ 5 д. „Баба“, передѣланная изъ романа того же названія В. А. Тихоновымъ. Мнѣ хорошо памятенъ тѣ разнорѣчивыя мнѣнія, какія вызвала эта пьеса при первой постановкѣ въ прошломъ сезонѣ. Находили въ ней много недостатковъ: несклонность, карикатурность въ изображеніи дѣйствующихъ лицъ и т. д. Недостатки въ ней, дѣйствительно, есть, но все же эта пьеса—по моему глубокому убѣжденію—одна изъ наиболѣе интересныхъ новинокъ прошлаго сезона. Говорятъ, что Гремухинъ не типъ, а исключеніе. Позволю себѣ нѣсколько остановиться на самомъ понятіи „типъ“. У насъ очень распространены выраженія: „рѣдкій типъ“, „исключительный типъ“ и т. п., но—по моему разумѣнію—такія опредѣленія, какъ рѣдкій, исключительный и т. п. при словѣ „типъ“ существовать не могутъ. Въ самомъ дѣлѣ—что такое „типъ“? Типъ—это совокупность вышнихъ отличительныхъ чертъ и признаковъ цѣлаго ряда лицъ, имѣющихъ большое сходство по своему вну-

Худож. программа Пушкинск. спект.
(См. «Провинц. Лѣтоп.»).

тренируемому міру. Для того, чтобы получить литературный типъ, нужно взять отъ цѣлаго ряда личностей (или характеровъ), похожихъ по своей психологической, ихъ внѣшнія отличительныя черты и перенести эти черты на одно лицо, сохранивъ ихъ психологическія особенности, которыя общи увсѣхъ разсматриваемыхъ характеровъ.

Если смотрѣть на типъ съ этой точки зрѣнія, то тогда понятно — почему Обломовъ типъ, а не исключеніе. Въдѣ «полный» Обломовъ, разумеется, не можетъ существовать. Существуютъ только извѣстныя разновидности Обломова.

Введя такое понятіе о типѣ, мы должны признать за таковой и Гремухина, разновидности котораго встрѣчаются сплошь и рядомъ, особенно въ глухой провинціи. — Правда, въ его положеніяхъ (по пьесѣ) есть много неестественнаго, но сгладить эти шероховатости — ужъ дѣло актеровъ.

Г. Бредовъ (Гремухинъ) мнѣ понравился. Онъ игралъ, такъ сказать, полутонами, какъ, пожалуй, и слѣдуетъ играть Гремухина, чтобы не было рѣзкостей въ переходахъ отъ одного состоянія къ другому. Г. Брянскій сыгралъ Шалымова довольно рельефно. Г. Митрофанову (Гамакинъ) слѣдовало бы значительно поднять тонъ въ сценѣ требованія съ Гремухина денегъ (въ послѣднемъ актѣ). Г-жа Лепетичъ была бы приличной Аленой, если бы не нѣкоторая дѣланность тона. Вообще, спектакль оставилъ благоприятное впечатлѣніе.

Н. У.

* * *

Появилось не мало драматическихъ опытовъ на Пушкинскій сюжетъ. Они отличаются больше дикостью, чѣмъ достоинствами. Поэтому недлинные привести кстатѣ, и образчикъ заграничнаго вздора на ту же тему, съ которымъ насъ знакомитъ г. Павлицевъ въ «Нов. Врем.». Это появившаяся въ 1876 году, въ Миланѣ, четырехактная драма въ стихахъ Росска, подъ заглавіемъ «Pushkin».

Въ послѣднемъ актѣ этой сверхъестественной белиберды, пишетъ г. Павлицевъ, — завершаемой кончиной моего дяди, послѣ дуэли на шпагахъ (sic!) со счастливымъ соперникомъ княземъ Инзевымъ (il principe Inzeff) окружаютъ Пушкина его жена (Natalia Dangeoff?), секундантъ поэта баронъ Дельвигъ (вѣроятно, заблужденіе, воскреснуть черезъ шесть лѣтъ послѣ своей смерти) и нѣкая юная цыганка Марія (Maria giovinetta Zingara), привезенная якобы Пушкинымъ изъ Бессарабіи. Умирая на сценѣ, Пушкинъ завѣщаетъ — де цыганочкѣ добрую о себѣ память и поцѣлуй (A te fanciulla le mia memoria e un bacio), а кающуюся жену утѣшаетъ фразой: «Вамъ же мои богатства» (A vo le mie ricchezze). Въ той же драмѣ отведена роль и скончавшейся еще въ 1828 году (въ домѣ моихъ родителей, Павлицевыхъ) няньки поэта. Аринѣ Родіоновнѣ (Irine Radionovna, vecchia nutrice di Puskin), да вовсе не существовавшему на шарѣ земномъ русскому публицисту Милоски (Miloski, direttore d'un giornale letterario). Вся эта ахиня заканчивается патетическимъ укоромъ Дельвига Натальѣ Николаевнѣ: «Ваше женское тщеславіе стоитъ Россіи величайшаго ея поэта!» («La vostra vanità di donna costa alla Russia il suo pin gran poeta»).

* * *

Намъ прислана слѣдующая замѣтка:

Сара Бернаръ, эта величайшая изъ сценическихъ кривлякъ, по выраженію Тургенева, совершила на дняхъ новый подвигъ. Она выступила въ роли Гамлета. Les beaux esprits de recontentent. Говорятъ, одна русская актриса, приобретшая весьма печальную извѣстность грубой рекламой и грубой игрой, пыталась также выступить въ роли Гамлета. Но пока — это еще въ области гаданій; дебютъ же Сары Бернаръ совершился и во французскихъ газетахъ мы находимъ подробности объ этой чрезвычайной профанаціи величайшаго изъ шекспировскихъ героевъ.

Французскія газеты... Вообще газеты всего міра... Какал печальная школа вкуса и художественности! Вотъ что пишетъ Анри Фукье, несомнѣнно умный и по своему одинъ изъ наиболѣе даже добросовѣстныхъ критиковъ, но увь, связанный знакомствомъ, условностью, рутинною театраль-

Художественная программа «Встрѣчи весны».
(По рис. худ. Беренштама).

ной публики, авторитетомъ имени... „Съ величайшею радостью констатирую успѣхъ, временами доходившій до энтузіазма, который имѣла Сара Бернаръ въ роли Гамлета. Это была очень крупная задача. Тутъ мало вышнихъ данныхъ (sic! Можно думать, что женскій „турниръ“ есть сценическій „данна“ для роли Гамлета), пужна особая, просвѣтленная разумомъ, воля (?). Роль Гамлета, прежде всего, — роль концепціи, требующая глубокаго изученія. Это — триумфъ мысли, анализа, а не счастливой случайности“.

Извѣстный артистъ Сильвенъ, изъ чувства товарищеской приязни, и въ обычномъ „мармеладномъ“ тонѣ французской учтивости, выразился: „Я первый разъ ясно вижу Гамлета (oh, la, la). И сколько изобрѣтательности! Въмѣсто того, чтобы прокривить Офелію „въ монастырь“ въ монастырь! — какое презрѣніе звучитъ въ ея словахъ!“

Затѣмъ, услужливый газетный репортеръ начинаетъ уже врать немилосердно. Издатель лондонской „Times“ будто бы сказалъ Сарѣ: „Я выдалъ въ Лондонѣ одиннадцать Гамлетовъ, но я не выдалъ ни одного столь прекраснаго и вѣрнаго (?)“.

Признаемся, никогда развратъ, выдѣлимый въ театрѣ продажною и скудоумною театральною критикою и прыткими репортерами, не дѣйствовалъ на насъ столь угнетающимъ образомъ. Ибо какъ хорошо бы, относительно говоря, великая кривляка ни играла Гамлета, — это могло быть только курьезно. Гамлетъ-женщина! Вспомните предположенія Гервинуса: Гамлету подѣ сорокъ лѣтъ, лимфатикъ, сырой блондинъ, — и Сара Бернаръ! Гамлетъ-женщина, съ его скептическимъ и меланхолическимъ умомъ! Весьма кстати встрѣчаемъ въ одной газетѣ слѣдующее разсужденіе, вызванное общимъ анализомъ женской души.

„Гамлетъ никогда не могъ бы быть женщиной. Возьмите всего Шекспира, какъ величайшаго изъ гениевъ, предъ комъ челоуѣческая душа была какъ книга ясна, — и вы ко всѣмъ героямъ можете найти подходящія и соответственныя женскія фигуры, но только не къ Гамлету. Отелло? Сколько угодно. Шейлокъ? Сколько угодно! И самые отвратительныя типы Шейлоковъ. Лиръ? Не сомнѣемъ, ибо женщины благоразумны, однако, съ психикою можно представить и Лира-женщину. Яго? О, всегда! Ричардъ III? Повсемѣстно! Но Гамлетъ, сомнѣвающийся, живущій въ перѣшности, размышляющій надъ всѣмъ, умный болѣе, чѣмъ нужно, осторожный болѣе, чѣмъ требуется, совѣтующійся съ совѣстью, когда молчитъ умъ, и съ умомъ, когда бездѣйствуетъ совѣсть — это тѣ мировой типъ бездѣйственной духовной красоты совершенно немыслимъ въ сердцѣ женщины. Женщина-Гамлетъ успѣла бы продѣлать все то, надъ чѣмъ Гамлетъ размышлялъ. Ее бы давно унесло порывомъ, и къ королю, и къ Офеліи, и къ Полонію. Въ ней всегда кинѣла бы какая-то, позволяю себѣ высказаться, „тревога жизни“. Женщина — „реагируетъ“, и въ этомъ сущность женской души“.

* * *

Намъ пишутъ изъ Твери. Въ залѣ Дворянскаго собранія былъ данъ у насъ „Царь Оедоръ Іоанновичъ“ труппою Литературно-артистическаго Кружка, съ г. Орленевымъ въ роли Оедора и г. Ленскимъ въ роли Годунова. Успѣхъ трагедіи имѣла чрезвычайный. Такого апсамбля, само собою разумѣется, намъ не приходилось видѣть. При отъѣздѣ труппы, множество горожанъ провожало на вокзалъ. Кстати иди не кстати, случилось крупное товарнаго поѣзда, задержавшее движеніе поѣздовъ, и нашимъ гостямъ пришлось не мало просидѣть на вокзалѣ.

* * *

Въ четвергъ, 20-го мая, состоится въ Василеостровскомъ театрѣ первое представленіе интересной драмы Феликса Филиппи „Благодѣтели челоуѣчества“, въ переводѣ П. Немвродова. Пьеса затрогиваетъ любопытный психологическій мотивъ.

Почтенный трудъ, не лишенный недостатковъ.

Въ концѣ прошлаго года Театральное Общество вошло съ ходатайствомъ въ Министерство финансовъ о предоставленіи ему участія, или вѣрнѣе, совѣщательнаго голоса въ дѣлѣ организаціи народнаго театра и разумныхъ развлеченій для народа, предпринятой Попечительствами о народной трезвости. Не пайди возможнымъ предоставить совѣщательный голосъ учрежденію, казалось бы, въ театральномъ дѣлѣ наиболѣе компетентному, министерство, тѣмъ не менѣе, циркулярно предложило мѣстнымъ попечительствамъ обращаться, въ случаѣ надобности, за разъясненіями и указаніями непосредственно въ Совѣтъ Русскаго Театральнаго Общества. Говорить о дѣятельности попечительства, пожалуй, еще преждевременно, но то не многого, что становится извѣстнымъ объ этой дѣятельности, мало говорить въ ихъ пользу. Суммы, въ общей сложности, расходуются значительныя, а результаты пока что мало замѣтны. Великое и безкорыстное начинаніе легко можетъ сойти на нѣтъ. Во главѣ и въ составѣ „особыхъ комиссій“, новидному, въ большинствѣ случаевъ находятся люди, недостаточно опытные въ сложномъ театральномъ дѣлѣ, недостаточно ознакомленные съ запросами и потребностями народнаго массы. Нужно думать, что запросы, поступавшіе въ Совѣтъ Театральнаго Общества со стороны театралныхъ комиссій при попечительствахъ, обнаруживали неподготовленность и малоопытность комиссій, и вѣроятно, въ отвѣтъ на эти запросы Театральное Общество сочло нужнымъ выступить съ небольшою брошюрой, составленной по порученію Совѣта Е. П. Карповымъ и И. П. Окуловымъ и имѣющей цѣлью дать краткій сводъ элементарныхъ практическихъ указаній въ дѣлѣ организаціи народныхъ развлеченій, и послужить для малоопытныхъ устроителей своего рода *vade mecum*. Мы торжачо привѣтствуемъ это первое изданіе Театральнаго Общества, глубоко вѣримъ, что оно послужитъ болѣзную службу и укрѣпитъ первые, робкіе, невѣрные и колеблющіеся шаги народнаго театра, но именно поэтому позволили себѣ отнестись къ этой брошюрѣ, быть можетъ, строже, чѣмъ бы слѣдовало.

Первое, что бросается въ глаза при бѣгломъ взглядѣ — это ея краткость, сжатость, переходящая почти въ конспективность. Предназначенная, новидному, для людей, мало знакомыхъ съ техникой театральнаго дѣла вообще и съ организаціей народнаго театра въ частности, брошюра въ то же время слишкомъ мало останавливается на вопросахъ практическихъ, и въ сущности представляетъ краткій немотивированный перечень требованій, которымъ должны удовлетворять нормальный „народный домъ“, совершенно оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, какъ осуществить эти требованія, хотя это, казалось бы намъ, главное.

Оставьте себя въ положеніе интеллигентнаго провинціальнаго обывателя, волею судебъ попавшаго въ такую театральную комиссію. Въ общихъ чертахъ задачи народнаго театра, цѣли, къ которымъ должна стремиться комиссія, для него болѣе или менѣе ясны; онъ съ ними ознакомился изъ газетныхъ статей, корреспонденцій и т. д. Но когда отъ разговоровъ комиссія переходитъ къ дѣлу, передъ ними сразу встаетъ тысяча мелочей, маленькихъ вопросовъ, въ которыхъ они не въ силахъ разобратся и которые, въ лучшемъ случаѣ, заслоняютъ отъ него дѣло. Разобраться въ этихъ мелочахъ, замѣнить недостающій опытъ брошюра не въ силахъ. Намъ пришлось близко ознакомиться и внимательно слѣдить за первыми шагами одной комиссіи народныхъ чтеній, состоявшей изъ людей весьма интеллигентныхъ — юристовъ, учителей гимназій и т. д. — горячо и беззаветно полюбившихъ свѣтлое дѣло, за которое они взялись. Средства были въ распоряженіи небольшія, расходовать ихъ нужно было чрезвычайно осмотрительно и экономно. Какъ мучительно давалось этимъ глубоко честнымъ людямъ разрѣшеніе самыхъ простыхъ на первый взглядъ вопросовъ, какъ, на примѣръ, вопросъ о наилучшемъ освѣщеніи, о томъ, гдѣ заказывать наилучшія картины, какимъ матеріаломъ предпочтительно пользоваться при наличности такой-то суммы и т. д. Благодаря энергіи предсѣдателя и его помощника, дѣло въ концѣ концовъ наладилось и пошло гладко, но сколько прежде пришлось произвести напрасныхъ тратъ, бросить лишнихъ денегъ, при скудости средствъ ложившихся бременемъ на бюджетъ и укоромъ на совѣсть!

Все это потому, что до каждой мелочи, — а въ этомъ дѣлѣ мелочи играютъ особенно большую роль — нужно было „доходить собственнымъ умомъ“. Составители брошюры, очевидно, предполагаютъ, — безъ достаточныхъ основаній — у своихъ будущихъ читателей извѣстное знакомство съ тех-

никой театральной дѣла. Въ этомъ заключается коренной недостатокъ брошюры и ея самый существенный пробѣлъ. Для успѣха дѣла, прежде всего необходимо, казалось бы, дать точное представленіе о техникѣ дѣла, дать возможность ориентироваться въ новомъ положеніи, критически отнестись къ требованіямъ отдѣльных специалистовъ, услугами которыхъ имъ неизбежно придется пользоваться и которые, какъ всегда бываетъ, тянутъ въ свою сторону, мало обращая вниманія на общую экономію дѣла.

Возьмемъ на выдержку нѣсколько примѣровъ. Въ первой главѣ мы встрѣчаемъ такое напимѣръ положеніе: „сцена должна быть достаточно велика, чтобы была возможность ставить пьесы съ массовыми сценами, и чтобы декорации съ улицами, горами и т. п. могли бы давать иллюзію дѣйствительности“. Для человѣка, потолкавшагося за кулисами, это, несомнѣнно, вполне достаточно, потому что... совершенно ненужно. Человѣку же, которому это нужно, оно ровно ничего не говоритъ. А между тѣмъ это можно было бы прекрасно выразить точными цифрами, геометрическими отношеніями, что ли. Отсутствуютъ такіе необходимые свѣдѣнія, какъ перечень minimum'a декораций, бутафоріи и т. д., указаніе на матеріалы, среднія цѣны и т. п., но зато мы находимъ слѣдующее положеніе: „Вообще, при оборудованіи сцены желательно примѣненіе всѣхъ современныхъ техническихъ усовершенствованій въ этой области“. Но позвольте! Чтобы знать всѣ эти „современныя техническія усовершенствованія“, нужно быть специалистомъ этого дѣла. Не проще ли было бы просто перечислить всѣ эти усовершенствованія, а еще лучше указать наиболѣе примѣнимыя изъ нихъ. Къ удивленію нашему, мы не нашли въ брошюрѣ примѣрной расцѣнки артистическаго труда, а, главное, опредѣленія значенія въ труппѣ отдѣльнаго амплуа, схемы минимальной труппы и т. п. Это пробѣлъ очень существенный. Вопросъ состава труппы и опредѣленія жалованія, какъ намъ передавали, весьма часто затрудняетъ комисіи.

Тѣмъ не менѣе, брошюра является хотя и не вполне совершеннымъ, однако почтеннымъ трудомъ и нѣкото-рую практическую пользу дѣятелю пароднаго театра изъ него вынесутъ. Нужно думать, что удовлетворивъ первый годъ, Театральное Общество займется теперь детальной разработкой отдѣльных вопросовъ, выработкой схемы и нормъ и тѣмъ докончить вооруженіе вольныхъ борцовъ русскаго театра.

Несостоявшийся спектакль въ память Пушкина.

(Окончаніе *).

Послѣ вышеописаннаго Карѣву понадобилось зачѣмъ-то проскользнуть въ кабинетъ генерала; но на пути его сидѣлъ его превосходительство и бесѣдовалъ съ пухлой и пышной блондинкой m-me Тютевой, которую за ея непроходимую глупость прозвали „индюшкой“.

Индюшка въ этотъ вечеръ, по настоянію своего мужа, совѣтника губернскаго правленія—была очень пикантно декольтирована и потому избрана генераломъ на сегодняшній вечеръ „жертвой“. Несчастная жертва съ тоской слушала его скромные намеки, принимала все въ серьезъ, и не зная обижаться или смѣяться, мучилась ужасно! А генералъ съ своей благосклонно-начальнической улыбкой, запуская свои взоры въ ея корсажъ, какъ разъ въ это время говорилъ ей: „да! если бы я былъ теперь вашимъ груднымъ Петенькой, я бы непременно попросилъ у васъ покушать, такъ какъ я очень, очень голоденъ!“

M-me Тютева слушала, ежилась и тоскливо думала, что и впрямь тамъ въ дѣтской, гдѣ спитъ теперь при свѣтѣ лампадки ея крошечный Петенька, ей было куда лучше, чѣмъ сидѣть здѣсь и слушать

ПУШКИНСКІЕ СПЕКТАКЛИ.

„Моцартъ и Сальери“ (рис. П. Ассатунова).

непонятные намеки генерала... Поэтому приходъ Карѣва для нея былъ очень кстати.

— Что вы? строго спросилъ его начальникъ.

— Я ваше превосходительство, прошу позволенія написать нѣсколько словъ въ кабинетъ вашего превосходительства, такъ какъ мнѣ пришло на память одно обстоятельство, весьма важное для доклада завтра вашему превосходительству, довольно смѣло заявилъ ревностный чиновникъ.

— А! а! а! протянулъ благосклонно генералъ, — идите и пишите! Усердный молодой человѣкъ! аттестовалъ онъ его m-me Тютевой. Вскорѣ послѣ этого, ужъ не знаю какъ случилось, но ручка Нины въ свою очередь сжимала маленькую бѣленькую бумажку, гдѣ было сказано:

— „Все будетъ исполнено, какъ вы желаете, моя повелительница!“

Затѣмъ произошли опять какія-то шептанія въ углу съ барономъ Нольде, и нескромныя уши могли слышать фразу Нольде: „три дежурства за меня“. Остальное осталось покрытымъ мракомъ неизвѣстности.

Тѣмъ временемъ m-me Пампурова, собравъ вокругъ себя своихъ гостей, объявила засѣданіе открытымъ, и Карѣвъ по ея приказанію долженъ былъ изложить суть дѣла. Повинуясь начальству, онъ всталъ и сказалъ маленькую рѣчь:

„Милостивыя государыни и милостивые государи!“ (граціозный поклонъ). — Всей интеллигентной Россіи... Россія извѣстно, что 26 мая отечество наше собирается праздновать юбилей великаго поэта. Желая почтить это великое имя и доказать, что и наша губернія не отстаетъ отъ другихъ въ своемъ стремленіи къ просвѣщенію, ихъ превосходительства (граціозный жестъ рукой въ сторону обожаемыхъ начальниковъ) желаю предложить нашему обществу почтить великое имя Пушкина—спектаклемъ. Цѣль нынѣшняго собранія, милостивыя государыни и государи, состоитъ именно въ томъ, чтобы намѣтить пьесы и исполнителей. Для этого ея превосходительство предлагаетъ каждому изъ насъ—выразить свободно свое мнѣніе и желаніе“. Рѣчь эта была встрѣчена всеобщимъ одобреніемъ, но еще болѣе сочувствія вызвало воззваніе барона Нольде:

„Милостивыя государыни и государи! сказалъ онъ (граціозный поклонъ).—Прежде чѣмъ приступить къ выбору пьесъ и исполнителей, предлагаю собранію выразить почтительную благодарность ея пре-

*) См. № 19.

восходительству, какъ инициаторшѣ, этой благой идеи“ (Браво! браво! благодаримъ! merci! и т. д.). М-ме Пампурова была тронута: она протянула свою изящную ручку барону Нольде, которую тотъ почтительно поцѣловалъ и томно произнесла: „Merci! C'est touchant!“ а генералъ, обращаясь къ м-ме Тютяевой, ободрительно пробурчалъ: „многообѣщающій молодой человекъ!“ Но это трогательное единодушіе едва не было нарушено сварливостью характера и злымъ языкомъ Нольде. Дѣло въ томъ, что м-ме Пампурова, особа очень просвѣщенная, выписывавшая даже „Gartenlaube“ и бывавшая чуть не каждый годъ въ Петербургѣ и только сравнительно недавно побывавшая въ Москвѣ, совершенно естественно считала себя головой выше всѣхъ эскихъ дамъ и будучи au courant новинекъ сезона—предложила поставить въ честь Пушкина „Царя Оедора Іоанновича“.

„C'est très à la mode въ этомъ году“, говорила она.—И въ Петербургѣ, и въ Москвѣ это поставили и всѣ въ восторгѣ. Притомъ же Левъ Толстой такъ знаменитъ, такъ знаменитъ, что его знаютъ даже въ Америкѣ и намъ слѣдуетъ поддаваться теченію“!

Всѣ, бывшіе въ гостиной, поспѣшили согласиться съ ней; одинъ только Нольде выразилъ (сладкимъ, впрочемъ, голосомъ) недоумѣніе, причемъ тутъ будетъ Левъ Толстой? И на напоминаніе м-ме Пампуровой о томъ, что онъ авторъ пьесы „Царь Оедоръ Іоанновичъ“, дерзкій молодой человекъ громко сталъ выражать свой протестъ.

М-ме Пампурова, со свойственнымъ ей тактомъ, поспѣшила замѣтить, что она ошиблась въ имени, что она напоминаетъ, что авторъ Толстой, только не Левъ, а Антонъ, и рассказала при этомъ весьма любопытную исторію о томъ, какъ на первомъ представленіи, на которомъ она присутствовала, автору была послана единодушная поздравительная телеграмма. Но дерзкій Нольде не унимался—онъ упорно утверждалъ, что она ошибается. „Нѣтъ, упрямо повторялъ онъ,—вы ошибаетесь—Антонъ это Чеховъ и написалъ „Чайку“. А авторъ „Царя Оедора“, Алексѣй Толстой, давно умеръ и ему не могли посылать телеграммы“!

Общество просто замерло при этой новой дерзости, а старый правитель канцеляріи, переживающій третьяго уже начальника, даже перекрестился потихоньку и потомъ все время искалъ глазами образа. Но природный тактъ и высшее воспитаніе м-ме Пампуровой и тутъ дали ей необходимую выдержку. Она не разсердилась... „Да! весело сказала она, не желая ссориться съ Нольде.—Вы правы—я все перепутала—гдѣ моя память? Вѣдь это я была на представленіи Антигоны, когда посылали автору поздравительную депешу. Я соглашаюсь, что вы правы! А теперь—passons à nos moutons и приступимъ къ дѣлу“. Всѣ были тронуты и оцѣнили вполне деликатность, съ которой м-ме Пампурова прекратила споръ. Исправимый Нольде хотѣлъ еще что-то возразить, но дерзнутый Карѣвымъ за фалду фрака, вынужденъ былъ замолчать. Во всякомъ случаѣ мысль поставить „Царя Оедора“ была покинута. „Вотъ что значить протекція!—говорилъ юркій почтъ-директоръ совѣтнику,—какая смѣлость! Господи ты Боже мой, какъ будто не все равно, что Левъ, что Антонъ? Какое имя дано при крещеніи—такое и есть! Могъ быть и Левъ, равно какъ и Антонъ! Все зависитъ отъ святцевъ“! Почтъ-директоръ былъ изъ почтальоновъ, и представить себѣ не могъ, что можно противорѣчить лицу, выше его стоящему, и смотрѣлъ на Нольде съ искреннимъ ужасомъ.

Дальнѣйшій ходъ засѣданія ничѣмъ серьезнымъ нарушенъ не былъ, если не считать нѣкотораго визга

и протестовъ, которые подняли дамы, когда Нольде предложилъ поставить сцену изъ „Русалки“—дамы вообразили, что отъ нихъ требуется изображеніе форменныхъ найдѣ безъ костюмовъ, но узнавъ, что это фальшивая тревога, быстро успокоились. Генералъ успѣлъ, однако, шепнуть м-ме Тютяевой: „Какъ бы я желалъ, чтобы вы изображили русалку въ натуральномъ видѣ“! на что бѣдняжка только тяжело вздохнула. Наконецъ, послѣ преній, спектакль былъ составленъ. Рѣшено было поставить: сцену князя съ Наташей и мельникомъ изъ „Русалки“; сцену у фонтана изъ „Бориса Годунова“ и сцену Татьяны изъ „Евгенія Онегина“. Оставалось избрать исполнителей. Какъ это ни странно, но эскія дамы, въ противоположность вообще всѣмъ дамамъ на свѣтѣ, не только не желали играть главныя роли, но прямо таки молитвенно просили м-ме Пампурову уволить ихъ отъ этого. Онѣ утверждали, что никогда еще стиховъ не произносили, что бояться осрамиться, что стихи наводятъ на нихъ ужасъ. Одна только почтъ-директорша соглашалась взять на себя всѣ роли: и Марину, и Татьяну и даже Наташу, такъ какъ она всегда чувствовала, что сцена—ея жизнь... Но она была такъ толста, не говоря уже о ея пятидесяти годахъ, такъ неуклюжа и притомъ такъ сильно страдала одышкой, что не было никакой возможности принять ея любезное предложеніе. Въ концѣ концовъ, faute de mieux, пришлось на роль Марины рѣшиться пригласить жену помощника пристава, бывшую актрису, причемъ м-ме Пампурова съ чувствомъ произнесла: „Чего не сдѣлаешь для искусства“! Роль Татьяны м-ме Пампурова, къ общему восторгу, взяла на себя. Оставалось только найти исполнительницу на роль Наташи въ „Русалкѣ“. Вотъ тутъ-то баронъ Нольде и показалъ свои дипломатическія способности: какимъ искусствомъ, какимъ даромъ слова обладалъ онъ, если, несмотря на первоначальное удивленіе и негодованіе м-ме Пампуровой, несмотря на ея увѣренія, что Нини еще „малютка“ „крошка“ и „совершенный ребенокъ“, ему удалось доказать какъ дважды-два—пять, что Наташа, дочь мельника, именно была дѣвочка-подростокъ; что м-ме Нини именно такова, какой хотѣлъ Пушкинъ изобразить Наташу, и наконецъ, что это будетъ очаровательное зрѣлище: молодая мать въ одной сценѣ и малютка дочь въ другой! Однимъ словомъ, м-ме Пампурова послѣ долгихъ колебаній сдалась и все было улажено: Карѣвъ долженъ былъ изобразить князя, Нини—Наташу, а самъ Нольде игралъ мельника. Долго еще ахала и удивлялась м-ме Пампурова, и показывая на Нини, говорила: „вотъ, mesdames, до чего я дожила: у меня уже такая большая дѣвочка, что уже играть можетъ“! На что дамы хоромъ отвѣчали: „трудно этому вѣрить“! Болѣе всѣхъ, конечно, радовалась Нини...

Увы, на свѣтѣ все такъ устроено, что не все хорошо кончается, что хорошо начинается... Случилось, что спектакль—такъ много обѣщавшій, такъ волновавшій губернское общество, радовавшій юныя сердца Нини и Карѣва—не состоялся! И не состоялся по ихъ собственной, непростительной винѣ! И жена помощника пристава, такъ внезапно вызванная изъ ничтожества и ослѣпленная неслыханной честью играть въ одномъ спектаклѣ съ ея превосходительствомъ, дышать такъ сказать однимъ съ нею воздухомъ и стоять на одной съ нею доскахъ—была опять низвергнута въ играхъ, разрушивъ всѣ мечты своего честолюбиваго супруга, который, уповая на Пушкина, надѣялся въ недалекомъ будущемъ получить мѣсто пристава. Увы!..

Такъ было и теперь: уже сцена была устроена, кулисы готовы, уже для Нини шлили малиновый сара-

фанъ съ позументами, и м-ме Пампурова не могла довольнѣе налюбоваться роскошнымъ *matinée*, приготовленнымъ для ея роли, уже по лавкамъ купцовъ полиція разносила билеты, уже Нини и Карѣвъ знали свои роли и многое, многое было уже сдѣлано, когда одна фатальная репетиція все унесла, все разрушила!

Это случилось въ одинъ скверный, дождливый день. Всѣ собрались на репетицію аккуратно и аккуратно же всѣхъ, какъ часы, жена помощника пристава. М-ме Пампурова, полулежа въ креслѣ, вполголоса пробормотала свое объясненіе съ Онѣгинымъ, такъ какъ, по примѣру всѣхъ великихъ артистовъ, она объявила, что играть настоящимъ образомъ она будетъ только во время спектакля; затѣмъ наступила очередь Нини и Карѣва. Но ихъ не было!.. Недавно еще они были тутъ, на глазахъ у всѣхъ, а теперь, какъ въ воду канули! Ихъ окликнули, но они не отозвались. Тогда м-ме Пампурова, сдвинувъ брови и сдѣлавъ строгую мину, поднялась съ своего мѣста и пошла за кулисы... и вдругъ раздался крикъ! М-ме Пампурова вскрикнула, охнула, ахнула, такъ какъ увидѣла... увидѣла...

Чтожь увидѣла она?
Ужась? Преступленье?
Или даже можетъ быть
Чорта навожденье?
Нѣтъ, увидѣла она
Нѣчто хуже, гаже,
Я боюсь, боюсь, боюсь
Выговорить даже!

То, что увидѣла своими собственными глазами м-ме Пампурова, сразило ея нѣжную, деликатную натуру. Судьба нанесла ужасный ударъ ея надеждамъ, ея стремленіямъ: ей хотѣлось еще жить, любить, переживать романы, флиртъ, острые ощущенія, и вдругъ внезапно, безъ подготовки, беспощадная жизнь отрѣзала ей путь тріумфовъ.

Въ темномъ уголкѣ кулисъ она увидѣла стулъ. Ну, это бы еще ничего, но на немъ сидѣлъ Карѣвъ. Ну, и это бы еще ничего, но на колѣняхъ у него сидѣла Нини, и онъ жадно, не отрываясь, цѣловалъ ее въ хорошенькія губки. Если-бы это была репетиція!.. Но увы, это не была репетиція. Молодая жизнь входила въ свои права. Это была та самая „малютка“, та самая „крошка“, которой еще лѣтъ пять полагалось по росписанію мамы зубрить: *I have, you have, he has* и т. д. Тогда м-ме Пампурова дико вскрикнула, зашаталась и упала на руки барона Нольде, который очень кстати очутился за ея спиной и оттуда наблюдалъ Ромео и Джульету.

Разсказывать-ли, что было далѣе? Не стоитъ. Конечно, спектакль въ честь Пушкина самъ собою разстроился. Пришлось одѣть „малютку“ въ длинное платье, снять сандали и объявить невестой Карѣва. Юные влюбленные сіяли, но м-ме Пампурова приходитъ въ неистовство при одномъ имени Пушкина и поклялась въ душѣ, что хотя бы вся Россія, какъ одинъ человѣкъ возстала для празднованія поэта, въ г. Эмскѣ юбилей его пройдетъ незамѣченнымъ! Бѣдный Пушкинъ!

Такъ за виновнаго невинный отвѣчаетъ,
Винновъ на него вину свою слагаетъ!

Несправедливо, но ничего не подѣлаешь! Подумаешь, право, изъ какихъ пустяковъ складываются иногда великія событія!.. И эмскія дамы, подмѣтивъ, что Пушкинъ сталъ большимъ мѣстомъ ихъ обожаемой начальницы, никогда не произносятъ его имени въ ея присутствіи. Иногда-же, глядя на сіяющихъ

Нини и Карѣва, говорятъ ей вполголоса, показывая на счастливую парочку: „Боже мой! И подумать только, что черезъ какой нибудь годъ вы, можетъ быть, будете бабушкой!“! На что м-ме Пампурова блѣднѣетъ, зеленѣетъ и, неестественно улыбаясь, киваетъ головой, но въ душѣ ея подымается цѣлая буря. И все этотъ Пушкинъ! Никто, какъ Пушкинъ!

Такъ разстроился спектакль имени Пушкина въ г. Эмскѣ...

С. Шевиль.

Бомарше.

(Къ 100-лѣтію).

Бомарше сыгралъ историческую роль въ исторіи европейской цивилизации, вмѣстѣ съ энциклопедистами и Руссо.

«Наконецъ, читаемъ мы у одного изслѣдователя—насталъ день, когда въ общемъ взрывѣ объединились всѣ чувства—нравственные, политическія, общественныя, насажденные въ сердцахъ философами,—вся радость бытія и стремленіе имъ насладиться, вся возбужденность умовъ, ненависть и презрѣніе къ настоящему, къ традиціямъ, къ злоупотребленіямъ, потребность въ лучшихъ условіяхъ жизни и надежда на ихъ возможность,—день интеллигентнаго безумія, когда все общество «старого порядка» стало рукоплескать идеямъ, отъ которыхъ этотъ порядокъ долженъ былъ погибнуть».

Это былъ день перваго представленія «Женитьбы Фигаро»,—27 апрѣля 1784 года».

Авторъ этой единственной въ своемъ родѣ комедіи—Пьеръ Августинъ Карони де-Бомарше. Онъ былъ сродни философамъ своего вѣка и помимо своей воли и безъ всякаго злого умысла содѣйствовалъ разрушительному порыву, который, подобно урагану, смелъ съ лица земли старыя традиціи и упорные предразсудки. Но оружіе, которымъ онъ пользовался, было другое: острѣе слово и веселая шутка.

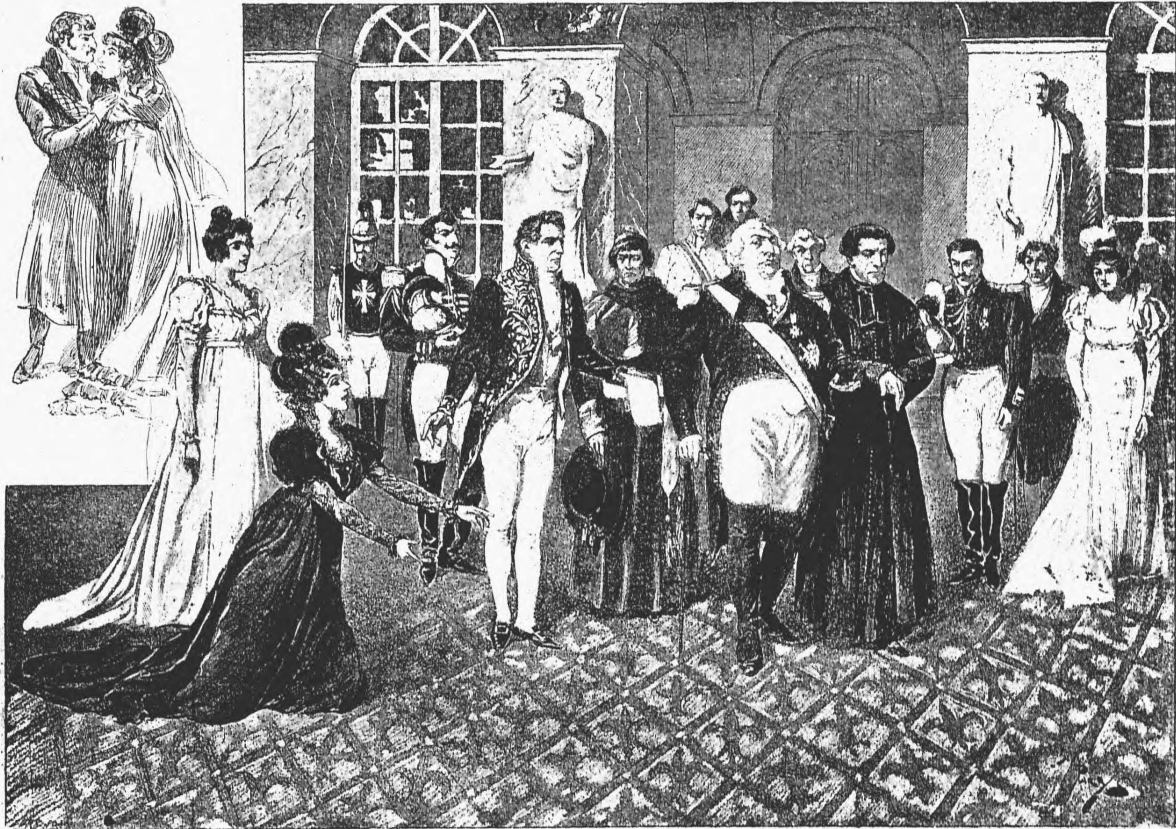
Подобно Руссо, Бомарше—сынъ часовщика и происходитъ изъ мѣщанской среды. Онъ уменъ, ловокъ, подвиженъ, гордъ, остроуменъ, веселъ и смѣлъ и это дѣлетъ ему возможность выдвинуться и подняться высоко. Онъ получаетъ дворянство и принятъ при дворѣ, но онъ остается на всю жизнь *parvenu* и не пользуется признаніемъ дворянства.

Привлекательная внѣшность и смѣлость, граничащая съ нахальствомъ, даютъ ему успѣхъ у женщинъ, благодаря которымъ онъ уже чрезъ два года состоитъ въ придворной должности контролера отчетности на кухнѣ его величества. Въ слѣдующемъ году (1756) онъ женится на вдовѣ придворнаго чиновника и къ своему мѣщанскому имени Карона прибавляетъ знаменитое Бомарше, названіе одного изъ помѣстій его

П. Бомарше.
(Къ 100-лѣтію).

Театръ «VAUDEVILLE».

«Madame de Lavallette» (3-й акт).

См. Заграницей.

жны. Через годъ умираетъ его жена, давшая ему имя и средства. Бомарше не унываетъ. Онъ вспоминаетъ старую свою любовь къ музыкѣ и благодаря ей проникаетъ въ салонъ mesdames de France—дочерей Людовика XV. Онъ становится здѣсь необходимымъ и настолько привязывается къ себѣ трехъ старыхъ дѣвъ, что возбуждаетъ къ себѣ непримиримую зависть придворныхъ. Его третируютъ, стараются унизить, выживаютъ клеветой и доносомъ, но Бомарше ловко парируетъ удары и кончаетъ дуэлью, въ которой сымаетъ оскорбленіе кровью своего противника.

Покровительство mesdames de France даетъ ему знакомство и расположение Пари-Дювернэ, миллионера, изнемогающаго подъ тяжестью своихъ богатствъ. Бомарше сближается съ этимъ золотымъ мѣшкомъ и дѣлается его компаньономъ. Дювернэ оживилъ Бомарше. Уже въ слѣдующемъ году онъ получаетъ дворянскій чинъ, а еще чрезъ 2 года мы видимъ его въ рядахъ высшей французской администраціи—въ должности генералъ-лейтенанта королевской охоты, которую онъ сохраняетъ за собой въ теченіе 10 лѣтъ. Свою службу онъ прерываетъ на одинъ годъ, который проводитъ въ Мадридѣ. Онъ ѣдетъ туда по дѣламъ чести и вмѣстѣ съ гѣмъ не упускаетъ случая предложить испанскому правительству цѣлый рядъ колоссальныхъ проектовъ. Еще три года, и ловкій дѣлецъ, не брезгающій никакими средствами, выступаетъ неожиданно въ роли драматическаго писателя. Его сентиментальная драма «Евгеній» имѣетъ большой успѣхъ не только во Франціи, но и въ другихъ странахъ,—она мастерски написана и приковываетъ къ себѣ вниманіе зрителя до самаго окончанія дѣйствія. Другая его драма «Два друга» однако проваливается.

Передъ смертью Дювернэ закончилъ свои счета съ Бомарше и остался ему долженъ 15 тысячъ франковъ, въ удовлетвореніе чего и выдалъ ему обязательство. Наслѣдникъ Дювернэ отказался заплатить долгъ и призналъ бумагу подложной. Возникаетъ длинный процессъ, окончившійся для Бомарше неблагоприятно, но давшій ему возможность выпустить въ свѣтъ свои «мемуары» по дѣлу, полные ѣдкаго, злого остроумія. Бомарше проявилъ необыкновенный драматическій талантъ въ сочиненныхъ имъ разговорахъ и съ рѣдкимъ мастерствомъ угодилъ на вкусъ публики, столь падкой до остроумныхъ памфлетовъ, перемѣшанныхъ пикантными анекдотами.

Съ этого момента имя Бомарше становится чрезвычайно популярнымъ. Его слава возрастаетъ особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ 1775 году поставилъ впервые своего «Севиль-

скаго цирюльника», прошедшаго съ большимъ успѣхомъ. Но кульминаціоннаго пункта слава Бомарше достигла вмѣстѣ съ постановкой «Женитьбы Фигаро». Три года понадобилось автору для того, чтобы добиться разрѣшенія поставить знаменитую комедію. Успѣхъ былъ колоссальный, неожиданный. «Это первое представленіе вызвало общее безуміе публики; двери театра брались приступомъ; тросъ было задавлено въ свалкѣ. Лихорадочно возбужденная публика бурно выражала свои восторги... Предъ такой аудиторіей всѣ слова пьесы имѣли особенный смыслъ и попадали въ пѣль; это былъ успѣхъ безумный, скандальный». Центральная фигура—тотъ же Фигаро, но уже не тѣмъ счастливымъ, что можетъ соединить влюбленныхъ, а надеждой на собственное счастье. Фигаро—самостоятеленъ, смѣлъ и прямодушенъ. Онъ обличаетъ эпоху и подкапывается ѣдкимъ и острымъ словомъ подъ ея основы. «Въ лицѣ Фигаро Бомарше воплотилъ всѣ бунтовскіе инстинкты эпохи; его устами онъ изливаетъ потоки сомнѣнія на всѣ устои стараго режима,—на дворянство, судъ, властей, дипломатію, заявляетъ смѣлое требованіе свободы мыслить, говорить и писать... Онъ—защитникъ свободы противъ деспотизма, сторонникъ равенства и противникъ привилегій».

«Женитьба Фигаро» завершила походъ, который XVIII вѣкъ предпринялъ противъ стараго порядка. Это былъ заключительный актъ, веселый и остроумный, и слушатели аплодировали ему, не подозревая, что завтра вспыхнетъ трагедія. «Въ 1785 году, говоритъ Берне въ своихъ парижскихъ письмахъ,—эта пьеса была поставлена на сцену театра, въ 1789 г. ее разыграли подъ открытымъ небомъ. Бомарше смелъ пылъ съ мебели стараго порядка, нѣжнымъ павлиньимъ перомъ; черезъ 5 лѣтъ послѣ того Национальное Собраніе совсѣмъ сломало эту мебель, и скоро весь опустѣвшій домъ рухнулъ. Пыль служитъ прикрытіемъ для всякаго отжившаго порядка; сметите ее—и передъ вами тотчасъ же обнажатся его морщины, трещины, пятна, и онъ становится посмѣшищемъ молодого поколѣнія».

Въ настоящее время, хотя «Свадьба Фигаро» и укрощаетъ «репертуаръ», по французскому наименованію, но сатирическая часть комедіи—наиболѣе хрупкая—значительно потускнѣла. Скажемъ больше: она едва-ли доступна и понятна публикѣ.

Ж. С.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Берлинскіе театры.

Новая пьеса Макса Дрейера «Гансъ», поставленная недавно на сценѣ «Нѣмецкаго театра», имѣла значительный успѣхъ и, вѣроятно, долго продержится въ репертуарѣ. Максъ Дрейеръ — посредственный писатель, но этой пьесой онъ доказалъ, что можетъ писать и недурныя величьи. Вотъ краткое содержание новой пьесы.

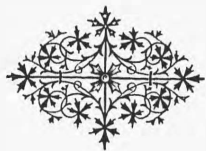
На одномъ тихомъ островѣ Нѣмецкаго моря, въ своей лабораторіи работаетъ профессоръ Гартгофъ. У него есть три помощника: два ассистента и его дочь — Иоанна. Самъ Гартгофъ и его дочь Иоанна являются героями пьесы. Онъ изображаетъ человекомъ съ мягкимъ характеромъ, углубляющимся въ себя, но по своей натурѣ — жаждущимъ женской ласки. Иоанна, наоборотъ, выросла среди мужчинъ, считаетъ и себя — по характеру — за мужчину. Лучшей жизни, кромѣ той, какую она ведетъ теперь, — она и не желаетъ. Однажды въ лабораторію является Анна Берндъ, подруга Иоанны, въ которую самъ профессоръ влюбляется и рѣшается на ней жениться. Иоанна сначала противится этому браку, но потомъ видя, что ея жизнь должна теперь измѣниться, рѣшается сама выйти замужъ за друга дѣтства, давно уже влюбленного въ нее. Вскорѣ въ ней просыпается любящая женщина, и пьеса, благодаря этому, кончается общимъ благополучіемъ.

Нѣмецкіе критики указываютъ на неестественность въ перемѣнѣ взглядовъ Иоанны, къ чему мы могли бы прибавить неестественность такихъ сентиментальныхъ характеровъ, вообще. Иоанну играла г-жа Луиза Дюмонъ.

Въ театрѣ Лессинга на-дняхъ поставили комедію Лео Гиршфельда, съ сатирическимъ отъѣикомъ. Мѣсто дѣйствія — кафе. Пьеса, какъ сатира на кафешантанную жизнь, едва ли достигнетъ цѣли, ибо стоитъ ли по воробьямъ стрѣлять изъ пушекъ?

Новая пьеса театра «Vaudeville», «Madame de Lavallette» Моро, имѣла значительный успѣхъ, благодаря, преимущественно, прекрасному исполненію Режанъ и Гитри. Въ основаніи пьесы лежитъ историческій разсказъ, или если хотите, анекдотъ. Дѣйствіе происходитъ во время реставраціи Бурбоновъ, послѣ «Ста дней». Лавалетъ осужденъ на смертную казнь за то, что принялъ постъ начальника почти при Наполеонѣ. Жена Лавалета проникла въ тюрьму, перемѣнилась съ узникомъ платьемъ, и дала ему возможность бѣжать.

Живописностью и историческимъ интересомъ отличается, въ особенности, третій актъ. Король идетъ слушать мессу. Благодаря любезности герцога Рагузскаго, госпожѣ Лавалетъ удается проникнуть въ залу, когда король возвращается съ мессы. Не лишенъ оригинальности послѣдній актъ. Бѣглецъ оказывается въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, гдѣ надѣялся скрыться. Министръ Ришелье самъ помогаетъ Лавалету скрыться. «Вы мой гость, говоритъ онъ, — хотя я васъ и не приглашалъ сюда». И когда является полиція, она никого не находитъ. На этомъ заканчивается пьеса.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

(Отъ нашихъ корреспондентовъ).

ХАРЬКОВЪ. Со второго мая здѣсь начались спектакли съ участіемъ г-жи Яворской. Еще задолго до появленія артистки мѣстная газета «Южный Край» познакомила нашу публику не только съ характеромъ оригинальнаго «дарованія» г-жи Яворской, но и съ тѣмъ, что она кыггиня. Несмотря на такое милостивое участіе мѣстной газеты въ рекламѣ — конечно, вполне добровольной — за нѣсколько дней до спектакля, на всѣхъ столбахъ, во всѣхъ витринахъ и окнахъ появились необычайныя для сколько-нибудь серьезной артистки не то кафешантанныя, не то цирковыя двухаршинныя афиши и объявленія, на золотомъ фонѣ которыхъ можно было усмотрѣть все, что угодно, — простыню, повѣшенную на гвоздь, крынку опрокинутого молока, млечный путь, болотныя цвѣты и нѣчто похожее на женщину въ бѣломъ платьѣ, съ распущенными волосами, съ кинжаломъ въ рукѣхъ и т. д., и т. д. О, бѣдная, глупая провинція!

Что сказать о самыхъ спектакляхъ? Г-жа Яворская достаточно извѣстна Петербургу. На насъ она произвела впечатлѣніе

тлѣніе артистки умѣренныхъ способностей, прибѣгающей къ бульварному репертуару, разсчитанному на низменные вкусы голы, и большою охотней до дешевыхъ эффектовъ. Г-жа Яворская заявила себя далеко «не тѣмъ хрупкимъ и нѣжнымъ созданіемъ, которому доступно только воспроизведеніе образовъ чистыхъ, неземныхъ, воздушныхъ», какъ писалъ, не зная о чемъ писать, мѣстный рецензентъ, а наоборотъ — чѣмъ-то ультра-реальнымъ, грубымъ, чувственнымъ... И въ «Маргаритѣ Готье», и въ «Заза» все вниманіе, всѣ силы артистки были направлены къ тому, чтобы какъ можно сильнѣе подчеркнуть и выдвинуть чувственную сторону героини, передать мельчайшія проявленія страсти и показать всю виртуозность «науки страсти нѣжной».

Вѣдь нужна, думается, прежде всего искренность и въ искусствѣ, и въ поэзіи, и въ театрѣ, а безъ этого что все остальное? Что такое «рвущійся изъ рамокъ условности темпераментъ?» какъ писалъ рецензентъ «Южн. Края», въ порывѣ рвущейся изъ условныхъ рамокъ угодливости? И когда подумаешь, что сей рецензентъ писалъ безъ всякаго темперамента о гастролѣхъ Савиной! Всего было дано 5 спектаклей: «Дама съ камеліями» (сборъ 400 — 500 руб.), «Заза» (почти полный — пьеса новая для Харьковска), «Изеиль» (далеко не полный), «Заза» (сборъ совсѣмъ плохой) и «Татьяна Рѣпина»...

Г. Юрьевъ оставилъ въ Харьковѣ самую лучшую воспоминанія, какъ талантливый выдержанный артистъ, которому въ близкомъ будущемъ предстоитъ занять выдающееся мѣсто. Большой успѣхъ выпалъ на долю г. Тинскаго.

Въ Харьковѣ тоже былъ пушкинскій вечеръ. Читали, играли, пѣли, публики почти не было, и лучше бы было, если бы такіе вечера больше не повторялись.

Куда дѣвались такъ называемые аристократы науки? Въ Харьковѣ три высшихъ учебныхъ заведенія и около 150 профессоровъ! Надо было послушать чтеніе одной дѣвицы «Письма Татьяны» и еще кое-что, затѣмъ пѣніе «Отрывковъ» и топотъ участвовавшихъ въ какой то живой картинѣ, чтобы понять прелесть этого вечера. Маленькая подробность. Бюстъ поэта вдребезги разбился при первомъ чтеніи о немъ кѣкой-то лекціи въ оперномъ театрѣ. Справедливость требуетъ отмѣнить чтеца г. Вольскаго.

Въ настоящее время въ циркѣ Никитина подвизается вотъ ужъ третью недѣлю малороссійская труппа г. Суслова. Дѣла труппы не важныя. Пробовалъ г. Сусловъ удивить харьковскую публику и опереткой, для чего онъ перебрался въ нашъ драматическій театръ и переодевалъ своихъ «выдающихся» актеровъ въ опереточные костюмы, но публика наша оказалась неумолимой, и г. Сусловъ опять перекочевалъ въ циркъ.

Опера кн. Церетели во главѣ съ г. Яковлевымъ перѣхала изъ Кіева въ Харьковъ на нѣсколько спектаклей. При первомъ выходѣ г. Яковлева предъ харьковской публикой, его встрѣтили сильными аплодисментами. Почти такой же успѣхъ выпалъ на долю любимцевъ харьковской публики — г-жи Инсаровой (Татьяна) и г. Давыдова (Ленскій).

ТИФЛИСЪ. 26-го апрѣля «Тифлисское артистическое общество», сезонъ котораго закрылся 1 мая, чествовало столѣтіе со дня рожденія А. С. Пушкина.

Въ программу входили сцены изъ «Бориса Годунова», чтеніе отдѣльных стихотвореній, романсовъ и арій на слова Пушкина и апоэозъ.

Исполненіе было весьма удачное, чему не мало способствовала интеллигентность исполнителей. Сцены изъ «Бориса Годунова», обставленныя исторически вѣрно, нашли въ лицѣ любителей заправскихъ исполнителей. Маленькій залъ «Артистическаго общества» былъ весьма изящно декорированъ зеленью и медальонами съ датами года и названій произведеній чествуемаго поэта.

По срединѣ сцены стоялъ бюстъ поэта, украшенный тропическими растеніями и цвѣтами, которыми, въ видѣ плато, была убрана вся сцена; каждый изъ исполнителей литературно-вокальнаго отдѣленія, при выходѣ, возлагалъ вѣнокъ къ подножію бюста и затѣмъ выполнялъ номеръ; всѣ исполняемые номера покрывались аплодисментами публики, наполнившей залъ, въ которомъ чувствовался особенно праздничный подъемъ.

Особенно эффектенъ былъ заключительный апоэозъ: по срединѣ сцены возвышался постаментъ, на которомъ, въ креслѣ, въ задумчивой позѣ сидѣлъ поэтъ, въ черномъ сюртукѣ и плащѣ; поэтъ вѣнчаеъ геній; у подножія постамента расположена «Россія» въ видѣ русской женщины, которая рѣзкомъ начертала на постаментѣ: «А. С. Пушкинъ»; нѣкоторые изъ героевъ произведеній поэта, въ роскошныхъ костюмахъ, расположены съ боковъ и впереди центральной фигуры. По единодушному требованію публики картина открывалась нѣсколько разъ.

Сборъ, за расходами по устройству, предназначается на постановку памятника великому поэту въ Петербургѣ.

В. Г.

ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ. Открытіе сезона въ лѣтнемъ театрѣ городского сада, арендуемомъ А. А. Линтваревымъ, состоялось 20 апрѣля. Драматическая труппа, подъ режиссерствомъ Н. Н. Синельникова, дебютировала въ пьесѣ «Счастливецъ».

Спектакль прошел съ большим успѣхомъ. Г. И. Мартынова выступила въ первый разъ предъ екатеринославской публикой въ комедіи «Генеральша Матрена». «Измаилъ», прошедшій уже три раза при полныхъ сборахъ, обставленъ во всѣхъ отношеніяхъ хорошо. Вообще такого ансамбля наша публика давно не видѣла. — Назовемъ въ труппѣ г-жу Юрьеву, Мартынову, Синельникову, Семенову, Медвѣдеву, гг. Людвигова, Глюске-Добровольскаго, Петровскаго, Туганова, Синельникова, Чарина и Лихомскаго. Спектакли труппы Н. Н. Синельникова составляютъ крупное явленіе въ нашей театральной жизни. Тѣмъ не менѣе это не мѣшаетъ нашей прессѣ, въ лицѣ «Придѣлѣвскаго Края», или совершенно замалчивать труппу, или изрѣдка давать отзывы, въ которыхъ сквозить большіе порицанія, чѣмъ похвалы. А цирку Герцога посвящаются въ каждомъ номерѣ восторженные отзывы. Анатолия Дурова (клоуна) произвели чуть не въ гении и цѣлыя фельетоны печатаются о пользѣ циркового искусства, вообще, и о благотворномъ влияніи его, въ особенности, на дѣтскій возрастъ. Въ утѣшеніе могу сказать, что подобныя выходки «Придѣлѣвскаго Края» давно уже и хорошо знакомы мѣстной публикѣ, а потому мало обращаютъ на себя вниманія. Но какъ понять и чѣмъ объяснить подобное отношеніе «Придѣлѣвскаго Края» къ театру и цирку? Вѣдь невозможно же допустить, чтобы редакторъ газеты, дѣйствительный статскій совѣтникъ и докторъ медицины В. В. Святловскій серьезно былъ убѣжденъ въ просвѣтителномъ значеніи циркового искусства? Остается предположить только слѣдующее: ни Литваревъ, ни Синельниковъ не обиваютъ пороговъ редакціи, какъ дѣлалъ пресловутый антрепренеръ Никулинъ. Г. Литваревъ даже притянулъ Святловскаго къ суду за клевету. *И. М.*

ЯЛТА. На второй и третій день Пасхи, 19 и 20 апрѣля, въ городскомъ театрѣ состоялось чествованіе памяти столѣтія рожденія А. С. Пушкина. Для устройства празднествъ была избрана городской думой особая коммисія, которая долгое время засѣдала и выработала программу. На расходы городскихъ управленій было ассигновано 600 рублей. Вотъ программа спектаклей: городской, т. е. приглашенный на лѣто для городского сада оркестръ, подъ управленіемъ г. Зелинскаго, исполнилъ попури изъ «Пиковой дамы» и «Евгеніи Онѣгина», любители г-жи Жадовская, Тугенгольдъ, гг. Добрынинъ, Васильевъ и бывший теноръ Императорской оперы г. Усатовъ исполнили сцены изъ «Руслана и Людмилы», «Вириса Годунова» и «Русалки». Исполненіе этихъ произведеній заняло два первыхъ отдѣленія; третье отдѣленіе состояло изъ живыхъ картинъ, иллюстрировавшихъ «Сказку о рыбацкѣ и рыбацѣ», которую долженъ былъ прочесть г. Никулинъ. Затѣмъ слѣдовала «слава Пушкину». Какъ видно изъ приведенной мною программы, спектакль, посвященный памяти великаго поэта, состоялъ весь изъ оперныхъ отрывковъ, точно главную заслугу Пушкина было то, что его произведенія вдохновили композиторовъ... Въ теченіи всего вечера мы слышали только слова либретто на произведенія Пушкина въ далекое не превосходномъ исполненіи, что только одно могло бы быть оправданіемъ такой странной программы. Когда, наконецъ, дошла очередь до единственнаго за вечеръ произведенія Пушкина — «Сказка о рыбацкѣ и рыбацѣ» — то тѣтъ г. Никулинъ, загримировавшійся старикомъ-мужицкомъ, оказался совсѣмъ безъ голоса и послѣ первыхъ нѣсколькихъ строкъ долженъ былъ перестать читать. Промежутки между картинами были такъ велики и ничѣмъ не пополнялись, что часть публики, менѣе деликатной, стала уходить, не дожидаясь «славы». Наконецъ картины съ пропусками были кончены и когда, послѣ тоже довольно длиннаго антракта, поднялся занавѣсъ, на сценѣ оказался бѣлый Пушкинъ, окруженный пальмами, за которыми были скрыты музыканты. По одной и другой сторонѣ бюста размѣстились гимназисты и гимназистки и общимъ хоромъ пропѣли «славу» Пушкину.

Къ подножію бюста возложили вѣнки: городской голова князь Чегодаевъ, директоръ ялтинскій гимназіи А. Ф. Преображенскій и начальница женской гимназіи В. К. Харкѣвичъ. Публика, стоя, покрыва аплодисментами конецъ «славы». Въ театрѣ присутствовала родная внучка А. С. Пушкина Александра Александровна Пушкина. На слѣдующій день въ театрѣ было оставлено 260 безплатныхъ мѣстъ. Въ этотъ вечеръ спектакль прошелъ стройнѣе, но сбору было только 232 рубля, тогда какъ въ первый день далъ до 600 рублей. Деньги эти поступаютъ въ фондъ для постройки училища имени А. С. Пушкина. *И. М. Т.*

ВОРОНЕЖЪ. Отрадное впечатлѣніе оставило только что уѣхавшее отъ насъ товарищество артистовъ московскаго театра Коршъ, съ И. Н. Грековымъ во главѣ. Однако, матеріальный ихъ успѣхъ былъ здѣсь неблестящій, по нѣсколькимъ причинамъ: не новый репертуаръ, дурная погода и анонсъ о пріѣздѣ оперной труппы, которую воронежцы давно жаждаютъ и, кромѣ того, увѣ, всегда предпочитаютъ драмѣ.

Поставлены были: «Ревизоръ», «Господинъ директоръ», «Золотая Ева», «Въ новой семьѣ», «Идеальная жена»,

«Волки и овцы», «Новое дѣло», «Слѣдователь», «Девятый валъ» и «Чужіе». Товарищество выѣхало 8-го мая въ Новочеркасскъ.

Оперная антреприза Любимова почти не заключаетъ въ себѣ «именъ», но одно уже имя дирижера, — г. Труффи, даетъ увѣренность въ приличномъ веденіи дѣла. Объявлены: «Аида», «Демонъ», «Паяцы», «Сельскія чести», «Пиковая дама», «Карменъ», «Фаустъ», «Робертъ-Дьяволъ». При маломъ числѣ сносныхъ силахъ опера въ Воронежѣ должна непремѣнно принести хорошіе барыши, если только не испугаютъ публику варварскими цѣнами на мѣста. *И. Стр.—въ.*

РЯЗАНЬ. 19-го апрѣля въ нашемъ городскомъ театрѣ шла «Послѣдняя воля», при участіи г-жи Лешковской и г. Южина, остальная труппа неизвѣстна и собрана съ бору да съ сосенки г. Шуваловымъ. Г-жа Лешковская и г. Южинъ играли очень хорошо, но за то остальныхъ положительно нельзя было смотреть.

23-го апрѣля этой же труппой при участіи г-жи Поляковой было сыграно «Въ новой семьѣ». Г-жа Полякова старая знакомая рязанцевъ — она играла у насъ лѣто въ 1897 г. и была теперь очень тепло принята. Партнеры были очень плохи, въ особенности г. Панормовъ Соколовскій, который изъ роли Воскобоева слѣлалъ нѣчто невозможное. Въ заключеніе, шелъ фарсъ «Говорящій нѣмой», при участіи г. Сашина. Коршевскій комикъ у насъ не понравился.

Съ 21-го апрѣля начались спектакли въ лѣтнемъ театрѣ Рязанскаго общества устройства народныхъ увеселеній. За это время шли «Не все коту масленица», «Жертва за жертву», «Къ мировому» и «На Пескахъ». Спектакли даются на прошлагодныхъ основаніяхъ. Играть гг. любители.

В. А. Калининъ.

БРЕСТЪ-ЛИТОВСКЪ 4-го мая у насъ открылся сезонъ. Играть товарищество подъ управленіемъ Н. А. Борисова. Составъ труппы: Л. В. Смоличъ и В. А. Мухаринская — героини, Н. А. Работнова — ingénue dramatique, М. В. Стрѣшневъ — ingénue comique, К. К. Кольцова и С. А. Ланская — комическая и драматическая старухи, Е. И. Пиперсткова — grande dame, Н. И. Попова и Е. М. Школьскій — 2 роли. Мужской персоналъ: А. П. Двинскій — герой-любовникъ, С. Ф. Польш — любовникъ-фатъ, И. Д. Болдыревъ — характерныя и бытовые роли, Н. В. Николаевъ — комикъ-буффъ, Д. В. Пальминъ — драматическій резонеръ, А. А. Камскій — комикъ-резонеръ, В. Н. Барскій — протакъ, В. Г. Поповъ и И. А. Школьскій — 2 роли. Режиссеръ И. Д. Болдыревъ, помощникъ режиссера М. С. Кригель, суфлеръ Л. С. Розановъ, декораторъ О. Т. Люзинъ.

Открылся сезонъ извѣстной драмой кн. Сумбатова «Солы и вороны». Вторымъ спектаклемъ, для перваго выхода г-жи Смоличъ, — была поставлена пьеса Персианниновой «Пашенька». Намъ кажется, что постановка такихъ пьесъ, гдѣ все держится только на одномъ лицѣ, большая ошибка со стороны режиссера. Третьимъ спектаклемъ шелъ «Джигитъ-менъ» для перваго выхода Г. Болдырева. Пьеса прошла очень гладко.

Въ декоративномъ и въ режиссерскомъ отношеніи всѣ пьесы обставляются очень прилично.

Вообще, труппа, повидимому, понравилась публикѣ.

Admirari.

ТОМСКЪ. Для Томска на будущій зимній сезонъ антрепренеромъ Н. А. Корсаковымъ составлена оперно-опереточная труппа. Оперета: г-жа Самарова (каскадная), Стефани, Ростова (вторая), Дунаевъ (теноръ), Сѣверовъ (баритонъ), Любовъ (протакъ), Зянгинцевъ (комикъ-буффъ), Калининская (комическая старуха). Опера: Де-Манья (драматическое сопрано), Картавина (лирическое сопрано), Волина (меццо-сопрано), Сигѣурская (меццо-сопрано-контральто), Серебряковъ (теноръ), Рышковъ (баритонъ), Александровъ, Пушкаревъ (басы). Вторые: Кудринъ, Свиригинъ, Дородновъ, капелмейстеръ Гильдебрандтъ, 2 капелмейстеръ и хормейстеръ Тимме, режиссеръ Васильевъ, помощникъ режиссера Свиригинъ, суфлеръ Розановъ, хоръ 25 чел., оркестръ 22 человекъ. Репертуаръ намѣченъ — изъ новыхъ оперетъ предполагается поставить: «Гейшу», «Розовое домино», «Модель», и друг.; изъ оперъ: «Пиковую даму», «Дубровскаго», «Маккавей» и друг. Начало сезона 1 октября.

ОБОЯНЬ. вновь построенный лѣтній театръ въ г. Обоини, въ саду общественаго собранія снятъ на лѣто г-жей Зотиковой; труппа драматическая. Начало сезона — 16-го мая. Режиссеръ Шубинъ-Славскій.

БАХМУТЪ. Лѣтній сезонъ открытъ у насъ двумя малороссійскими труппами. Въ театрѣ коммерческаго клуба — подъ управленіемъ г. Португалова, а въ клубѣ общественаго собранія — подъ управленіемъ г. Науменко. Первый изъ театровъ снятъ, на весь сезонъ, артистомъ Новиковымъ, съ обязанностью, въ теченіи сезона, поставить въ Бахмутѣ малороссовъ, русскую драму и оперетку, а второй театръ принялъ въ свое завѣдываніе артистъ Б. Е. Цвѣтковъ съ такимъ же обязательствомъ. *Л. К.—н—к—въ.*

Списокъ драматическимъ сочиненіямъ на русскомъ языкѣ, разсмотрѣннымъ драматическою цензурою и дозволеннымъ къ представленію въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ 1899 года:

Безусловно.

- 1) Въ бѣгахъ. Оригинальная комедія-шутка въ трехъ дѣйствіяхъ С. Ѳ. Разсохина и В. П. Преображенскаго. По печатному изданію С. Разсохина. «Сцена».
- 2) Гелда Габлеръ. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ. Переводъ І. Юровскаго. Собраніе сочиненій Генрика Ибсена. Томъ четвертый. По печатному изданію І. Юровскаго.
- 3) Геншель (Fuhmann Henschel). Драма въ пяти дѣйствіяхъ Гергардта Гауптмана. Переводъ Э. Э. Матерна.
- 4) Голубки и голубки. Оригинальный водевилъ въ одномъ дѣйствіи Н. Арсъ. По литографированному изданію. Саратовъ.
- 5) Дама бубенъ. Драма въ пяти дѣйствіяхъ и восьми картинахъ. Сочиненіе Шамберсъ и Стефенсона. Переводъ Ѳ. Д. Г. (Ѳ. Д. Грдинина).
- 6) Деньщикъ подвелъ. Водевилъ въ одномъ дѣйствіи И. С. Турбина.
- 7) Домашній столъ. Оригинальный фарсъ въ трехъ дѣйствіяхъ И. И. Мясницкаго.
- 8) Жена. Драма въ пяти дѣйствіяхъ Андрея Янскаго.
- 9) Женское дѣло. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ С. Р. Минцлова.
- 10) Застѣлся. Шутка въ одномъ дѣйствіи С. И. Турбина. По литографированному изданію московской театральной бібліотеки С. Ѳ. Разсохина. Москва 1899 года.
- 11) Игра случая. Комедія въ одномъ дѣйствіи и двухъ картинахъ Ивана Пріѣзжаго.
- 12) Извозчикъ Геншель. Драма въ пяти дѣйствіяхъ Гергартъ Гауптманъ. Переводъ В. М. Саблина.
- 13) Колыбель. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе М. Бріе. Переводъ М. П. Садовскаго.
- 14) Ловцы. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ Арнольда Марковича.
- 15) Маленькій Эйольфъ. Драма въ 3 дѣйствіяхъ. Переводъ О. Наумова (Собраніе сочиненій Генрика Ибсена. Томъ четвертый. По печатному изданію І. Юровскаго. 1896 года).
- 16) Маленькій Эйольфъ. Драма въ трехъ дѣйствіяхъ Генрика Ибсена. Съ портретомъ автора и краткими свѣдѣніями объ его жизни и литературной дѣятельности. Переводъ Е. С. Б. По печатному изданію книжнаго магазина Гросманъ и Кнебель (І. Кнебель). Москва 1895 года.

- 17) Малолѣтняя дочь. Фарсъ въ трехъ дѣйствіяхъ. Переводъ Ѳ. Латернера (Ѳ. Градовскаго) и С. К. Ленни.
- 18) Матери (Die Mutter). Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ Георга Гиршфельда. Переводъ съ нѣмецкаго К. П. Ларина.
- 19) Молодой человѣкъ. Карриатура въ одномъ дѣйствіи (оригинальная). Сочиненіе Г. Н. Грессеръ. Типо-литограф. А. С. Клименкова. Москва 1899 года.
- 20) Наши жены. Шутка въ одномъ дѣйствіи В. Ф. Квѣцинскаго.
- 21) Параша сибирячка. Народная быль въ двухъ дѣйствіяхъ съ эпилогомъ. Типо-литограф. А. С. Клименкова. Москва 1899 года.
- 22) Парижская драма. Пьеса въ пяти дѣйствіяхъ Эрнеста Додэ. Переводъ съ французскаго В. М. Саблина.
- 23) Послѣ спектакля. Оригинальная шутка въ одномъ дѣйствіи Рубенса Чинарона.
- 24) Последняя любовь Наполеона І. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ Н. В. Самойлова.
- 25) Поѣздка на Волгу. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе М. И. Разсудова.
- 26) Праздникъ въ Сольгаугѣ. Драма въ трехъ дѣйствіяхъ. Переводъ Н. Мировичъ. (Собраніе сочиненій Генрика Ибсена. Томъ третій. По печатному изданію І. Юровскаго. С.-Петербургъ 1896 года).
- 27) Свободная воля. Драма въ пяти дѣйствіяхъ Андрея Янскаго. Кіевъ 1896 года.
- 28) Строитель Сольнессъ. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ. Переводъ О. Наумова (Собраніе сочиненій Генрика Ибсена. Томъ пятый. По печатному изданію І. Юровскаго. С.-Петербургъ 1897 года).
- 29) Судьба свела. Водевилъ въ одномъ дѣйствіи С. И. Турбина.
- 30) Сѣверные богатыри. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ. Переводъ Н. Мировичъ. (Собраніе сочиненій Генрика Ибсена. Томъ третій. По печатному изданію І. Юровскаго. С.-Петербургъ 1896 года).

Справочный отдѣлъ.

Свободенъ на лѣтній и зимній сезоны — драматическій любовникъ, герой. Адресъ: Г. Харьковъ, Клочковская, № 26, кв. 4, Евгенію Дмитріевичу ЮЖАНОВУ.

Редакторъ Я. Р. Кугель.

Издательница З. В. Тимофеева (Холмская).

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

ЛѢТНІЙ ТЕАТРЪ и садъ В. А. НЕМЕТТИ.

39. Офицерская, 39.

Дирекція Л. В. Пупинакова.

Ежедневныя представленія: оперетка, балетъ и дивертисментъ.

Въ воскресенье, 16-го мая,

„ГЕРОЙ РЫНКА“

(Mlle Quat'sous)

оперетта въ 3-хъ д., муз. Планкета.

Главные роли исполняютъ: г-жи Смолина, Марченко, Варгина, Жулинская, Арлани, Гринева, Александрова. Гг. Рутковский, Полонский, Сѣверский, Брянский и друг. Главный режиссеръ В. В. Чаровъ.

Балетъ подъ управленіемъ г. Саракко. Прима балерины БИАННА ДЖЕЛАТО и БАРИАРИ.

ДИВЕРТИСМЕНТЪ.

Эквилибристы Элиза и Вильямъ Старъ, Комитетъ Делина, М-лле Норисъ.

Нач. музыки въ саду въ 7 час. Нач. спектакля въ 8 час.

Цѣна за входъ въ садъ 40 к. Абонементныя книжки въ 20 билетовъ 5 р., 10 билетовъ 2 р. 50 к. Взавше билеты на мѣсто передъ лѣтней сценой за входъ въ садъ ничего не платятъ. Контромарки при выходѣ изъ сада не выдаются.

Касса открыта ежедневно отъ 11 часовъ утра.

Все необходимое для гг. артистов!

Усовершенствованныя и безвредныя гримировки, румяна, бѣллы, карандаши и тушь для бровей, замазки для париковъ и проч.

Громадный выборъ парфюмерій лучшихъ заграничныхъ фабрикъ

Высылаютъ по первому требованію.

Аптекарскій складъ Э. Ф. ВОЛЯНСКАГО

С.-Петербургъ, Вознесенскій просп., № 22. № 234 (1—1)

КРЕСТОВСКИЙ САДЪ и ТЕАТРЪ

Ежедневно блестящая и внѣ всякой конкуренціи большая программа
КОНЦЕРТЪ-ВАРІЭТЕ.

La belle et célèbre М. Н. Лабунской, феноменальной оперной дивы М-ле Ада Коллей.

ДЕБЮТЫ: М-ле Мюге, М-ле А. АДАМЕЙТЪ, М-ле СЕЛЬФИНЕСЪ, М-ле Дарклей. М-ле ЭДМЕ ГАТЬ, М-ле ДЕЛОРЪ, М-ле ДЕРВИЛЬ, М-ле ЛЕРУ, М-ле МЕРЛИ, М-ле Л. АНДРЕ, М-ле БЕЛЛАНЪ. Оригин. труппа бедуинъ АХМЕТЪ ИБРАГИМЪ, извѣстн. квартетъ **== ОРФЕЙ ==** извѣстн. труппа ФЕРДИНАНДЪ ЗЕММЕЛЬ. М-г ГАНИВЕ, дуэтисты М-г et М-ме ЛАСЕРЕНЪ изв. англ. труппа **ИДОЛСЪ**, первый нин. румынск. оркестръ Г. МИТАШИ, второй нин. румынск. оркестръ НИКОЛАЯ МАТАКИ, семейство ЯКОВИ ТРЮ, БЕКАРЪ, Труп. Ф. Земмель, Трлюкопранди.

Московский хоръ А. З. Ивановой, кварт. Эсперелла, труппа Фаворитъ, труппа Любекаго, труппа Барановской, купл. г. Ша- товъ, гарм. и купл. г. Голицынъ. Большой хоръ цыганъ А. Н. Гроховскаго.

Драматическая труппа подъ управленіемъ г. КОВАЛЕНКО. Ежедневно одноактные пьесы и оперетки.

Театръ и садъ „АРКАДІЯ“.

Лѣтній сезонъ 1899 г.

Въ воскресенье, 16-го — „ДУБРОВСКИЙ“. Въ понедѣльникъ, 17-го, — „КАРМЕНЪ“. Во вторникъ, 18-го — „ДЕ-МОНЪ“. Въ среду, 19-го — „ЖИДОВКА“. Въ четвергъ, 20-го — „ДУБРОВСКИЙ“. Въ пятницу, 21-го — „ОПРИЧ-НИКЪ“. Въ субботу, 22-го — „АИДА“. Капельмейстеръ И. В. ПАГАНИ.

Режиссеры: БѢЛЬСКИЙ и КРАВЕЦКИЙ.

Цѣны общедоступныя. Взявшіе билеты въ закрытый театръ за входъ въ садъ ничего не платятъ. Билеты продаются въ цѣточномъ магазинѣ Фрейдлихъ, Невскій, 34, отъ 12 до 5 ч. дня. Начало спектаклей ровно въ 8½ час. вечера. Окончаніе въ 12 час. ночи.

ВЪ САДУ БОЛЬШІЯ ГУЛЯНЫЯ. На открытой сценѣ: Русская драматическая труппа подъ управл. С. А. Трефилова; репертуаръ: фарсы, водевили, водевили съ пѣніемъ и оперетты. Англійская пантомима Озрани. Балетъ подъ управл. балетм. Люзин-скаго. Большой дивертисментъ изъ 20 М-ле: Турецкій эквилибристъ Ахметъ-Бенъ. Извѣстное англійское семейство Верони Вестъ. Карликъ французск. пѣвецъ Юлингъ. Парижскіе нищіе (трю) Мистрельс. Извѣстная богемская пѣвица Ирма Белла. Извѣстная швейцарская пѣвица Ланьеръ. Замѣчательное семейство Ридеръ съ обезьянами акробатами. Человѣкъ змѣя Глязиръ. Извѣстный неаполитанскій квинтетъ „Анжелини“. Извѣстн. русская пѣвица Минина. Русско-малороссійскій хоръ Кукиной. Военный оркестръ Спб. пожарной команды подъ управл. Фредерихсъ. Балетный оркестръ г. Шольцъ. По приглашенію поетъ хоръ цыганъ Н. Шишкина. Цѣна за входъ въ садъ 40 к. Абонементныя книжки 10 билетовъ 2 р.

Дирекція: Д. А. ПОЛЯКОВЪ.

Миндальный кремъ (Crème d'amandes)

ГОЛЛЕНДЕРА

вмѣсто мыла для мытья лица и рукъ, замѣняющій мыла и миндальныя отруби, рекомендуется всѣмъ лицамъ, имѣющимъ нѣжную и раздражительную кожу, не выносящую мыла.

Миндальный кремъ никогда не портится.

При употребленіи миндальнаго крема, лицо надолго сохраняетъ свою нѣжность и свѣжесть.

Банка въ 1 р., 60 к. и 30 к.

МЫЛО ИЗЪ МИНДАЛЬНОГО КРЕМА

Нѣжнѣйшее по составу, съ пріятнымъ ароматомъ. Кусокъ 50 коп.

Получать можно во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ Россіи. Остерегаться поддѣлокъ и подражаній. Обратитъ вниманіе на фирму:

Торговый домъ, „Парфюмерная Лабораторія І. ГОЛЛЕНДЕРЪ“:

С.-Петербургъ. Развѣзная, № 13,

215 (г.—5).

ГЛИЦЕРИНОВОЕ

МЫЛО

НА БЕРЕЗОВОМЪ СОКУ.

Косметика А. ЭНГЛУНДА.

Для нѣжности лица. Цѣна 50 коп.

Остерегаться поддѣлокъ. Требо- вать подпись А. Энглундъ крас- ными чернилами. Получать можно во всѣхъ извѣстныхъ аптекар- скихъ и парфюмерныхъ торгов- ляхъ Россійской Имперіи.

Театръ и садъ П. В. ТУМПАКОВА.

(Фонтанка, у Измайловскаго моста).

Драма и комедія подъ управ. Я. В. Самарина.

СОСТАВЪ ТРУППЫ: Г-жи Лепетичъ, Ростовцева, Кудрявцева, Красовская, Соколова, Гарина, Волинская, Александровская, Ивановская, Горина, Старковская, Сергѣева. Гг. Бредовъ, Брянскій, Митрофановъ, Егоровъ, Лепетичъ, Августовъ, Кубаловъ, Войтоловскій, Костинъ, Горскій, Козыревъ, Филимоновъ.

РЕПЕРТУАРЪ съ 16-го по 23-е мая.

16-го мая, воскресенье:

„КНЯЗЬ СЕРЕБРЯНЫЙ“

картина рус. нрав. 2-й половины XVI стол., въ 5-ти д. Изъ повѣсти временъ Иоанна Грознаго „Князь Серебряный“ А. К. Толстого.

17-го мая, понедѣльникъ:

„ДЯДУШКА ОЛОВОМЪ“

ком. въ 3 д., соч. кн. М. К.—го.

18-го мая, вторникъ:

„ДВА ПОДРОСТКА“

20-го мая, четвергъ:

„ГРѢХЪ ПОПУТАЛЪ“

21-го мая, пятница:

„ВТОРАЯ МОЛОДОСТЬ“

драма въ 4 д. соч. П. Невѣжина.

23-го мая, воскресенье:

„ГЕНЕРАЛЬША МАТРЕНА“

ком. въ 3 д. В. Крылова и Н. Северина.

Оркестръ военной музыки Л.-Гв. Измайловскаго полка подъ управленіемъ капельмейстера Г. ШТВЙНСЪ. Извѣстная замѣчательная эквилибристка М-ле ЭММИ — во всѣхъ городахъ Европы большой колоссальный успѣхъ.

По оконч. спектакля БОЛЬШОЙ РАЗНОХАРАКТЕРНЫЙ ДИВЕРТИСМЕНТЪ.